

Санкт-Петербургский государственный университет

ИЛИЧ Злата Обрен

Выпускная квалификационная работа

Особенности использования переводческих трансформаций в переводе романа Ольги Форш «Сумасшедший корабль» (“Russisches Narrenschiff“)

Уровень образования: бакалавриат
Направление 45.03.02 «Лингвистика»
Основная образовательная программа СВ.5054. «Теория перевода и межъязыковая коммуникация»
Профиль «Немецкий язык»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра немецкой
филологии,
Бирр-Цуркан Лилия Федоровна
Рецензент:
доцент, Санкт-Петербургский
государственный экономический
университет (СПбГЭУ)
Суслова Екатерина Геннадьевна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Проблема эквивалентности в художественном переводе	5
1.1. Определения понятий перевод и эквивалентность	5
1.2. Особенности художественного перевода.....	9
1.3. Понятие эквивалентности в художественном переводе	11
1.4. Виды переводческих трансформаций.....	12
1.5. Проблема перевода реалий	18
1.6. Выводы к главе 1	20
Глава 2. Анализ переводческих трансформаций в переводе К. Пёльманн „Russisches Narrenschiff“	21
2.1. Характеристика исходного текста	21
2.2. Перевод заглавия романа	23
2.3. Категориально-морфологические и синтаксические трансформации	28
2.4. Лексические трансформации.....	31
2.5. Глубинные трансформации	35
2.6. Специфические трансформации	38
2. 6. 1. Антонимический перевод	38
2. 6. 2. Метафоризация и деметафоризация.	39
2. 6. 3. Импликация и экспликация	42
2. 7. Перевод реалий.....	43
2. 7. 1. Антропонимы. Топонимы. Эргонимы.	43
2. 7. 2. Историзмы и советизмы.....	46
2. 7. 3. Игра слов. Междометия. Речевые подражания.	46
2. 8. Выводы к главе 2	49
Заключение	51
Список литературы.....	53
Приложение.....	56

Введение

Перевод художественной литературы справедливо можно назвать наиболее сложным видом письменного перевода, поскольку он требует от переводчика не только высокой профессиональной компетентности и долгой и кропотливой работы с текстом на каждом этапе перевода, но и наличия особой творческой жилки. С одной стороны, креативность в художественном переводе призвана помочь избежать буквализма и неуместного калькирования. Но, с другой стороны, полет вдохновения и фантазии не должен унести переводчика в иную крайность – вольный перевод, который считают не менее грубой ошибкой в сегодняшнем переводоведении.

Не прибегать к трансформациям в процессе любого вида перевода практически невозможно. Однако, если при устном переводе этот процесс часто происходит за считанные секунды, доходя до автоматизма, то в переводе письменном переводчик обладает гораздо большим количеством времени для тщательного обдумывания той или иной трансформации и, соответственно, большей маневренностью. Перевод художественной литературы в данном аспекте, бесспорно, представляет особый интерес для изучения, поскольку он, как мы уже упомянули выше, предполагает определенную степень субъективного креативного сотворчества переводчика. В отличие от нехудожественных текстов, художественные открывают широкое поле для интерпретаций, что часто приводит к нестандартным переводческим решениям.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что, несмотря на существование множества трудов, тем или иным образом освещающих проблему применения переводческих трансформаций, в переводоведении все еще остается практическая необходимость в большем количестве примеров и материалов, иллюстрирующих возможные пути решения различных переводческих проблем с помощью трансформаций.

Объектом данной работы являются языковые трансформации в переводе художественной литературы. Предмет работы представляют особенности использования переводческих трансформаций Кристианой Пёльманн в переводе романа Ольги Форш «Сумасшедший корабль»/“Russisches Narrenschiff“.

Целью работы, таким образом, является рассмотрение сложностей, с которыми сталкивается переводчица, и способов их преодоления с помощью различных трансформаций.

Для достижения данной цели были сформулированы и выполнены следующие задачи:

1. Рассмотреть ключевые в теории перевода понятия и соотнести их с проблемами художественного перевода, выявив его особенности;
2. Дать описание и сравнение существующих классификаций переводческих трансформаций;
3. Провести сравнительный анализ оригинального и переводного текстов для создания корпуса примеров;
4. Проанализировать отобранный материал, подробно останавливаясь на наиболее нестандартных переводческих решениях;
5. Сделать выводы относительно особенностей использования переводческих трансформаций Кристианой Пёльманн.

Для решения поставленных задач были применены метод сплошной выборки, сопоставительный и описательный методы лингвистического анализа. В ходе исследования был составлен корпус, включающий в себя 245 выдержек из оригинального текста и их соответствий в немецком переводе.

Данная работа состоит из введения, двух глав, теоретической и исследовательской, списка литературы (34 наименования, из них 26 на русском языке и 9 на немецком языке) и приложения с составленным методом сплошной выборки корпусом.

Глава 1. Проблема эквивалентности в художественном переводе

1.1. Определения понятий перевод и эквивалентность

Переводоведение как самостоятельная научная дисциплина зародилась лишь в середине прошлого столетия. Но, несмотря на относительную молодость данной дисциплины, в ней уже сформировалось множество различных подходов к определению сущности перевода и, соответственно, множество его дефиниций.

В. Коллер в «Введении в переводоведение» в главе «Дефиниции и модели перевода» в хронологическом порядке рассматривает оформившиеся к 1979 году на западе определения перевода, отмечает их сильные и слабые стороны, а также указывает на то, что любое определение не является чисто дескриптивным – оно всегда содержит в себе и прескриптивные черты („ein *normatives Element*“) [32, с. 89–107].

В труде «Литературный перевод» авторов Ф. Апель/А. Копетцки также имеется подобная глава «Дефиниции и понятие перевода» [29, с. 1–11]. В ней авторы указывают на то, что все существующие на сегодня определения перевода можно условно поделить на «препрагматические и прагматические». К «препрагматическим» относится, например, следующая дефиниция А. Г. Оттингера: «Перевод можно определить как процесс преобразования знаков или представлений в другие знаки или представления. <...> Главная проблема <...> состоит в том, чтобы сохранить неизменным смысл»¹ [цит. по: 29, с. 3]. Центральной задачей считается преобразование из одной знаковой системы в другую при неизменности смысла. Такие понятия, как текст или реципиент в определение не входят.

Если обратиться к советской школе, то справедливо отнести к «препрагматической» дефиницию Л. С. Бархударова: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана

---

¹ „Übersetzen kann definiert werden als Vorgang der Umwandlung von Zeichen oder Darstellungen in andere Zeichen oder Darstellungen. <...> Das zentrale Problem <...> besteht darin, den Sinn unverändert zu erhalten“

содержания, то есть значения» [10, с. 10]. Подобные определения нельзя назвать неверными, однако они неполно отражают сущность перевода, что и было замечено вышеупомянутыми немецкими авторами.

С развитием в 60-х годах прагмалингвистики, а также лингвистики текста, дефиниции постепенно начинают включать в себя и коммуникативный аспект – неизменность плана содержания отныне становится не единственно важным условием перевода. Ф. Апель/А. Копетцки обозначают это как «включение коммуникативных связей и проблем конституирования текста»² [29, с. 4]. Первым понятие коммуникативной и функциональной эквивалентности вводит Г. Егер (1975), рассматривающий перевод как обеспечение коммуникации („Sicherung der Kommunikation“) [29, с. 4–5]. Затем В. Вилсс (1977) дает следующее развернутое определение перевода: «Перевод – это процесс обработки и вербализации текста, который ведет от текста на исходном языке к максимально возможному эквивалентному тексту на переводящем языке и предполагает содержательное и стилистическое понимание оригинала. Соответственно, перевод – это процесс, разделенный на две основные фазы: фазу понимания, на которой переводчик анализирует исходный текст с точки зрения его смысловой и стилистической задумки, и фазу языковой реконструкции, на которой переводчик воспроизводит проанализированный содержательно и стилистически исходный текст с оптимальным учетом аспектов коммуникативной эквивалентности»³ [цит. по 29: с 5].

«Препрагматический» период закономерно сменяется «прагматическим» и в российском переводоведческом обществе, что можно видеть на примерах наиболее современных дефиниций перевода. Так, И. С. Алексеева дополняет

---

² „Einbeziehung von Kommunikationszusammenhängen und Textkonstitutionsproblemen“

³ „Übersetzen ist ein Textverarbeitungs- und Textverbalisierungsprozeß, der von einem ausgangssprachlichen Text zu einem möglichst äquivalenten zielsprachlichen Text hinüberführt und das inhaltliche und stilistische Verständnis der Vorlage voraussetzt. Übersetzen ist demnach ein in sich gegliederter Vorgang, der zwei Hauptphasen umfaßt, eine Verstehensphase, in der der Übersetzer den ausgangssprachlichen Text auf seine Sinn- und Stilintention hin analysiert und eine sprachliche Rekonstruktionsphase, in der der Übersetzer den inhaltlich und stilistisch analysierten ausgangssprachlichen Text unter optimaler Berücksichtigung kommunikativer Äquivalenzgesichtspunkte reproduziert“

приведенное выше определение Л. С. Бархударова и отмечает, наравне с неизменностью плана содержания, необходимость обеспечения условий коммуникации [9, с. 131]. Л. К. Латышев считает главным критерием перевода «равновоздейственность» исходного и переводящего текстов [21, с. 32], а В. Н. Комиссаров, обозначая собственный подход «телеологическим», дает следующее определение перевода: «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создаётся текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему» [19, с. 58].

Итак, при сравнении приведенных выше дефиниций можно сделать вывод, что обязательным условием перевода является некая взаимосвязь между текстами исходного языка и переводящего языка (далее ИЯ и ПЯ), которую принято называть «эквивалентностью». Однако, как и в случае с переводом, единое определение «эквивалентности» отсутствует. Существует множество различных подходов к описанию данного явления. Л. К. Латышев считает, что именно проблема определения «переводческой эквивалентности» является центральной как в теории, так и в практике перевода, и что «от того, как представляет себе эквивалентность перевода переводчик, зависят результаты его практической работы, качество перевода» [20, с. 5]. Суммарно обозревая существующие подходы к проблеме переводческой эквивалентности, Л. К. Латышев выделяет четыре оформившиеся концепции: 1) концепцию формального соответствия, 2) концепцию нормативно-содержательного соответствия, 3) концепцию полноценного (адекватного) перевода, 4) концепцию динамической (функциональной) эквивалентности. Рассмотрим данные подходы в рамках уже упомянутого деления на «препрагматическую» и «прагматическую» фазы в теории перевода.

Первые три концепции, расположенные в хронологическом порядке в соответствии с периодом их возникновения, распространения и популярности, следует отнести к «препрагматическим». Как было указано выше в связи с дефинициями перевода, такие концепции в свете современного

переводоведения остаются неполными. Л. К. Латышев указывает на то, что «концепция формального соответствия ни в коей мере не может служить основой современных теоретических разработок» [20, с. 15]. Нормативно-содержательная концепция хоть и представляла в свое время «шаг вперед в развитии переводческой мысли», но на сегодняшний день «далека от совершенства» [20, с. 15]. И, наконец, концепция адекватного перевода А. В. Федорова/Я. И. Рецкера лишена точности формулировок, её недостатки «не позволяют рассматривать её как приемлемую основу для разработки современной теории эквивалентности перевода» [20, с. 19].

Так, лишь концепцию динамической эквивалентности, у истоков которой стоял американский теоретик перевода Юджин Найда, можно отнести к «прагматической» фазе, поскольку именно в ней впервые отводится важная роль не только содержанию, но и функции текста – «запланированному отправителем текста коммуникативному эффекту» [20, с. 28]. Однако Л. К. Латышев особо отмечает, что функция не становится при этом первостепенной в процессе перевода, а содержание не отходит на второй план. Наоборот, «содержание – материал, с помощью которого этот [коммуникативный] эффект осуществляется». Таким образом, именно функционально-содержательная эквивалентность становится наиболее распространённым типом переводческой эквивалентности [20, с. 36]. Л. К. Латышев рассматривает взаимосвязь различных видов содержания текста и определённых речевых функций и в заключение составляет таблицу, позволяющую «отразить взаимоотношение: жанр текста – его функциональная характеристика – состав содержания» [20, с. 82]. Подобную таблицу, однако более подробную и направленную конкретно на транслатологическую классификацию, находим и у И. С. Алексеевой [9, с. 264–265].

Немецкие авторы также разработали различные типологии текстов, ориентируясь на проблемы перевода. Так, К. Райс (1976) выделяет в этой связи три типа текстов («Texttypen»): информативные, экспрессивные и

оперативные, к каждому из которых причисляет наиболее характерные текстовые жанры («Textsorten») [цит. по: 32, с. 93–97]. Например, информативному типу присущ жанр очерка, экспрессивному – жанр романа, а оперативному – рекламы. В. Коллер (1992), в свою очередь, обособляет всего две основные категории текстов: «фиктивные тексты» („Fiktivtexte“) и «вещественные тексты» („Sachtexte“) [32, с. 93].

Помимо упомянутых типологий были предприняты и другие попытки классифицировать тексты. Однако для данной работы релевантным является лишь тот факт, что во всех существующих на сегодняшний день типологиях литературные или художественные тексты всегда выделяются в особый класс в связи с их специфическими чертами.

1.2. Особенности художественного перевода

Художественный или литературный перевод занимает особое место среди остальных видов письменного перевода. В первой главе было установлено, что в современной практике перевода наиболее продуктивным оказался принцип функционально-содержательной эквивалентности. Согласно этому принципу, содержание (во всей многогранности данного понятия) неразрывно связано с функцией текста и логически проистекает из неё. Соответственно, переводчику необходимо иметь чёткое представление о функциях того или иного типа текста, что и породило всевозможные транслатологические классификации типов текстов. Из этих классификаций следует важная закономерность: в художественной литературе, в отличие от текстов других направленностей, где эстетическая функция языка либо не воплощается вовсе, либо воплощается лишь в некоторых случаях, эстетическая функция языка является её неотъемлемой составляющей. Некоторые авторы, как, например, Л. К. Латышев, вовсе выделяют данную функцию как единственно присущую литературным произведениям [20, с. 82]. Однако более распространено мнение о том, что художественный текст может обладать и другими функциями, но они всегда будут вторичными, подчинёнными примарной

функции – функции эстетической (или у Якобсона – поэтической) [28, с. 202; 9, с. 313; 19, с. 117].

Дж. Каллер, ставя вопрос о том, в чём заключается «художественность» того или иного произведения, выделяет несколько признаков «художественности», один из которых звучит так: «Литература пишется языком, который выдвигает на первый план сам себя, делает себя особенным, атакует вас: „Смотрите! Я – язык!“, так что вы не можете забыть, что имеете дело с языком, оформленным особым образом» [17, с. 14]. Именно это особое использование языка в художественной литературе, названное Дж. Каллером в оригинале как «foregrounding of language» и переведённое на немецкий как «aktualisierender Sprachgebrauch» [30, с. 44], выполняет неотъемлемую эстетическую функцию литературного текста. Эту же специфику отмечает и А. В. Федоров: «Для литературы как для искусства, материалом которого служит язык, характерна особая, часто непосредственно тесная связь между художественным образом и языковой категорией, на основе которой он строится» [25, с. 278].

Таким образом, если для адекватного и качественного перевода всех остальных типов текста переводчику достаточно лишь точно и в полном объеме передать содержательную составляющую текста, сохранив его информативную функцию, то при работе с художественным текстом подобное смещение акцента с плана выражения на план содержания не может привести к адекватному и качественному переводу.

Неразрывность содержания и формы в художественной литературе является центральной специфической чертой художественного перевода и его основной, однако не единственной проблемой. К ряду особенностей художественного перевода по А. В. Федорову также следует причислить «своеобразие манеры автора», «ярко выраженную национальную окраску содержания и формы», «печать того времени, когда создано произведение» и, наконец, проблему того, что «художественная литература есть искусство» [25, с. 278–279].

Последняя особенность является аргументом, на основании которого некоторые переводчики отрицали возможность применения научных методов лингвистической теории для исследования художественного перевода [10, с. 44]. Однако В. Н. Комиссаров справедливо опровергает такую позицию: «Литературная деятельность – это ведь, несомненно, творчество, но на этом основании нельзя отказывать в праве на существование такой науке, как литературоведение. <...> Творческий характер переводческой деятельности не означает, разумеется, что сама эта деятельность или воздействующие на неё факторы не могут стать объектом научного анализа и теоретического описания» [19, с. 111].

С учетом перечисленных выше специфических черт возьмем за рабочее определение художественного перевода дефиницию Т. А. Казаковой: «Итак, признаем, что художественный перевод представляет собой инокультурное *подобие* исходного художественного текста, отвечающее литературно-коммуникативным требованиям и представлениям общества на определенном историческом этапе» [16, с. 7]. Акцент на том, что переводной текст является «инокультурным *подобием*», справедливо вызывает вопрос об отношениях эквивалентности в художественном переводе.

1.3. Понятие эквивалентности в художественном переводе

В. С. Виноградов замечает: «В художественном переводе <...> свои особые законы эквивалентности оригиналу. <...> Несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему, переводчику, можно рассчитывать лишь на относительную эквивалентность художественного перевода тексту оригинала» [13, с. 24]. Однако возникает множество справедливых вопросов о границах такой относительности. Насколько переводчик свободен в своем выборе? Какова допустимая степень расхождения переводного текста с текстом оригинала? Где заканчивается перевод некоего произведения и начинается его адаптация или пересказ?

Однозначных предписывающих ответов на эти вопросы дать невозможно. С. В. Евтеев справедливо замечает, что «накопление вольностей при переводе приводит к тому, что переводному тексту может быть отказано в статусе перевода. Перевод превращается в пересказ, переложение, адаптацию» [15, с. 95–96]. Однако не существует четких правил, следуя которым, переводчик может избежать такого схода с переводческих рельсов. Особенность переводческой эквивалентности в области художественной литературы заключается в том, что ее сложно свести к таким смысловым языковым единицам, как слова или предложения. Переводчик художественной литературы должен исходить из общего контекста и замысла произведения, его эстетической и стилистической картины. Поэтому наиболее простой путь, а именно дословный перевод или буквализм, достигаемый с помощью простых словарных межъязыковых соответствий, не всегда уместен и адекватен. Тогда переводчик прибегает к трансформациям, проявляет креативность и индивидуальность. У одного произведения зачастую появляется множество разных переводов, и все они хоть и отличаются друг от друга, но считаются эквивалентами оригинального текста.

1.4. Виды переводческих трансформаций

Трансформации представляют собой одну из двух фундаментальных переводческих операций. Второй такой операцией считается операция подстановок. Разница между ними является существенной: если при подстановках переводчик опирается строго на межъязыковые словарные соответствия, т. е. переводит буквально, изменяя неизбежно лишь фонетическую оболочку слов, то, прибегая к трансформациям, переводчик видоизменяет единицы перевода на остальных уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом), что приводит к асимметрии между оригинальным и переводным текстом. Л. К. Латышев справедливо замечает, что «фонетическое преобразование исходного высказывания не может считаться трансформацией, поскольку оно — обязательный, константный элемент процесса перевода» [21, с. 280].

Перевод исключительно методом подстановок в художественной литературе заработал плохую славу и клеймо «буквализма». А. Л. Борисенко в статье «Буквализм в художественном переводе: ошибка, эксперимент, метод?» разбирается в истории употребления термина буквализм и его возможных дефинициях. Она приходит к выводу о том, что понимание буквализма как «неправильного» переводческого метода возникло в советские годы на почве идеологической борьбы и на сегодняшний день не имеет под собой никаких весомых оснований [12, с. 132–140]. Перевод методом подстановок не только допустим, но и в некоторых случаях уместнее, нежели «перекраивание» предложений с помощью трансформаций. Так, К. И. Чуковский, который, между прочим, постоянно указывает на неполноценность буквальных переводов, делает замечание переводчице М. А. Шишмаревой по поводу опущения в переводе романа «Наш общий друг» многочисленных диккенсовских повторов при перечислении. По мнению К. И. Чуковского, Диккенс намеренно «назойливо часто» повторяет одни и те же слова в предложении. Переводчице такое повторение показалось излишним, и она прибегла к опущению [27, с. 188]. Но многократно повторявшееся в оригинале слово являлось маркером авторского стиля, поэтому в таком случае буквализм при переводе был бы уместнее и вовсе не указывал бы на допущенную ошибку или скудную компетенцию переводчика. Однако реальность такова, что даже при посредничестве между близкородственными языками переводчикам далеко не всегда удастся ограничиться лишь операцией подстановок. Нормы и узус каждого языка уникальны, и чтобы не нарушить их, необходимо прибегать к различного рода трансформациям.

Трансформационная модель перевода впервые была описана уже упомянутым выше в связи с концепцией динамической эквивалентности Ю. Найдой. В. Н. Комиссаров описывает три этапа процесса перевода согласно трансформационной модели: «На первом этапе производная структура в оригинале возводится к ее ядерной структуре в ИЯ. На втором этапе происходит переход от ядерной структуры языка оригинала к аналогичной

ядерной структуре в ПЯ. И наконец, на третьем этапе ядерная структура в ПЯ преобразуется в производную в соответствии с нормой и узусом этого языка» [19, с. 156].

В советской школе перевода первым, кто подробно описал существующие переводческие трансформации, стал Я. И. Рецкер. Он разделил их на две большие группы: лексические и грамматические трансформации. Среди лексических, в свою очередь, он выделил еще семь конкретных видов: 1) дифференциация значений, 2) конкретизация значений, 3) генерализация значений, 4) смысловое развитие, 5) антонимический перевод, 6) целостное преобразование, 7) компенсация потерь в процессе перевода [24, с. 45]. При этом Я. И. Рецкер замечает, что редко можно встретить переводное предложение, вовлекающее только лексические или только грамматические трансформации. Зачастую они дополняют друг друга или даже зависят друг от друга. В таком случае речь идет о лексико-грамматических трансформациях. Позднее были представлены и иные классификации. Некоторые из них не многим отличаются от предложенной Я. И. Рецкером. Например, С. В. Евтеев точно так же делит все трансформации на два основных класса: лексические и грамматические трансформации [15, с. 96]. К лексическим он относит, помимо уже выделенных Я. И. Рецкером, и такие виды межъязыковых преобразований, как транскрипция, транслитерация и калькирование. Однако подобное утверждение вызывает вопрос: не относятся ли данные операции к простым переводческим подстановкам? Как замечает сам С. В. Евтеев, при транскрибировании или транслитерации уже существуют сложившиеся правила и нормы, которым следует переводчик. Кроме того, слова, подлежащие транскрибированию или транслитерации, зачастую уже имеют устоявшуюся в принимающем языке форму. Таким образом, этот процесс более походит на процесс перевода методом подстановок, нежели трансформаций, поскольку вызывает асимметрию между единицами ИЯ и ПЯ лишь на фонетическом уровне. То же можно сказать и про калькирование. С. В. Евтеев приводит такие примеры, как *sky-scrapers* – *Wolkenkratzer* –

небоскреб или *White House* – *Белый дом* [15, с. 97]. Но ведь эти кальки являются общепринятыми устоявшимися понятиями, и их перевод вряд ли будет отличаться от перевода любого другого понятия с помощью словаря, т. е. методом подстановки.

Стоит отметить, что асимметрия может возникнуть на прагматическом уровне при непосредственном восприятии кальки или транскрибированного слова реципиентом ПЯ. Очевидно, что смыслы, которые американский реципиент вложит в понятие *White House*, а русский реципиент – в кальку *Белый Дом*, будут отличаться. Для русскоязычного человека *Белый Дом* является чуждой реальией, и то, насколько она будет понятна без сноски с комментарием, зависит только от широты энциклопедических знаний и общей начитанности конкретного человека. Однако на этом мы подробнее остановимся в следующей главе, посвященной непосредственно переводу реалий.

Значительно отличающуюся от рассмотренных выше классификацию предложил Л. С. Бархударов. Так, он предлагает свести все трансформации к четырем элементарным типам: 1) перестановкам, 2) заменам, 3) добавлениям, 4) опущениям [10, с. 189]. Наиболее распространенным типом он называет замены, которые, в свою очередь, подразделяются на грамматические, лексические и комплексные лексико-грамматические. Сам Л. С. Бархударов подчеркивает, что «такого рода деление является в значительной мере приблизительным и условным».

Наиболее прозрачный подход к классификации переводческих трансформаций, на мой взгляд, представлен у Л. К. Латышева. Он осуществляет классификацию на основании языковых уровней, которые затрагивают те или иные трансформации. При этом, как уже упоминалось выше, изменения на фонетическом уровне трансформациями не считаются. Они относятся ко второй важной переводческой операции – подстановкам.

Итак, в соответствии с основными языковыми уровнями (уровнем звуков, слов, словосочетаний и предложений и уровнем текста) Л. К. Латышев выделяет четыре основных типа переводческих трансформаций: 1)

категориально-морфологические, 2) лексические, 3) синтаксические, 4) глубинные [21, с. 279–285].

Под категориально-морфологическими трансформациями подразумевается переход слова в ПЯ из одной части речи в другую. Как замечает Л. К. Латышев, такие трансформации «не влекут за собой существенных содержательных потерь или модификаций» и потому являются одним из наиболее распространенных типов переводческих трансформаций.

Лексические трансформации не следует путать со словарными подстановками. Прибегая к лексической трансформации, переводчик заменяет слово не системным словарным эквивалентом, а эквивалентом ситуативным, являющимся эквивалентом лишь в данном конкретном контексте. Л. К. Латышев иллюстрирует данный тип трансформаций следующим примером:

Er setzte sich hin, nahm die Feder, rückte aber das Gesicht tief auf den Tisch. (Zweig St.)

Он сел, взял перо и низко нагнул голову над столом. (Цвейг Ст.)

«Немецкое существительное *das Gesicht* не является системным (словарным) эквивалентом русского существительного *голова*, а немецкий глагол *rücken* — русского глагола *нагнуть*» [21, с. 282]. Если обратиться к классификации Я. И. Рецкера, то подобные трансформации следуют причислить к смысловому развитию, а в случае с трансформацией *Gesicht – голова* можно говорить о метонимическом переводе [24, с. 51].

На уровне словосочетаний и предложений переводчик может использовать различные синтаксические трансформации. Прежде всего это касается изменения порядка слов или порядка следования частей сложного предложения. Кроме того, часто в ПЯ перераспределяются роли слов в предложении. Например, при замене страдательного залога действительным подлежащее в процессе перевода может перевоплотиться в дополнение и т. д. Также изменяться может и тип синтаксической конструкции. Например,

простое предложение может заменяться сложным или один тип придаточного предложения – другим.

Последний, четвертый тип переводческих трансформаций по Л. К. Латышеву – глубинные трансформации. Они, в отличие от первых трех, затрагивают не «поверхностный», а глубинный смысловой уровень, «в результате чего претерпевает изменения сама схема мысли» [21, с. 282]. В пример приводится следующее предложение из «Дневника Анны Франк»: *Miep hat eine Woche frei – Miep взяла на неделю отпуск* [21, с. 284]. В оригинале дословно говорится о том, что Мип всю неделю свободна от работы. В переводе же отображено то действие, которое предшествовало данной свободе и обусловило ее, – взятие на неделю отпуска. Такая трансформация затронула глубинную структуру предложения, поскольку поменялся набор составляющих описываемой ситуации.

Отдельно Л. К. Латышев пишет об именуемых им «специфических» трансформациях. К ним относятся антонимический и конверсный перевод, метафоризация и деметафоризация, экспликация и импликация. Такие трансформации, по мнению автора, наблюдаются реже [21, с. 289].

Суть антонимического перевода «заключается в том, что средство выражения ИЯ заменяется противоположным по значению средством выражения ПЯ» [21, с. 289]. Чтобы смысл предложения не приобрел полностью противоположный характер, в него зачастую вводится дополнительное отрицание. Такую операцию можно сравнить с математическим умножением минуса на минус, что в итоге дает плюс, который мы и имеем в исходном предложении. Конверсная трансформация очень схожа с антонимической, однако в ней всегда меняются отношения именно между субъектом и объектом.

Под деметафоризацией понимается перевод некой метафоричной фразы без сохранения образности, т. е. «с помощью прямых (непереносных) значений слов и словосочетаний» [21, с. 290]. Например, с помощью такой трансформации переведена фраза из «Трех товарищей»: *Es sei etwas Kleines*

unterwegs – Его невеста ожидает ребенка. Обратный прием называется метафоризацией. Например: *Aller Anfang ist schwer – Первый блин всегда комом.*

Наконец, последние «специфические» трансформации по Л. К. Латышеву носят названия экспликаций и импликаций. Под экспликацией понимается «придание содержанию более конкретной по сравнению с оригиналом формы выражения» [21, с. 291]. Если же содержание приобретает, наоборот, более общий характер, то перед нами импликация. У других упомянутых нами авторов – Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, С. В. Евтеева – данные трансформации носят названия «конкретизация» и «генерализация» соответственно.

Важно еще раз подчеркнуть, что в большинстве случаев, сравнивая оригинальные и переводные предложения, мы будем иметь дело с сочетанием нескольких типов и видов трансформаций: «Так, к примеру, категориально-морфологическая трансформация, как правило, возможна только в сочетании с преобразованием синтаксической структуры, поскольку „превращение“ одной части речи в другую обычно связано и с изменением ее синтаксического статуса, так как у каждой части речи свои предпочтения в области синтаксических функций» [21, с. 285].

Итак, мы рассмотрели отличие между двумя основными переводческими операциями, а также дали обзор существующих классификаций переводческих трансформаций. В основу последующего анализа примеров из романа «Сумасшедший корабль» ляжет наиболее подробно разобранный в данной главе классификация Л. К. Латышева.

1.5. Проблема перевода реалий

Особое место в художественном переводе занимает перевод реалий. Наиболее обширная работа, посвященная данному явлению, – это труд болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе».

Авторы разграничивают понятия «реалия-предмет» и «реалия-слово», подобно тому, как Ф. де Соссюр в свое время разграничил «означаемое» от

«означающего». Реалия-предмет, будучи элементом внеязыковой действительности, не входит в круг изучаемых переводчиками проблем. И поскольку в тексте рассматриваются исключительно реалии как языковая единица, авторы отказываются от постоянного использования уточняющего понятия «реалия-слово», заменяя его просто «реалией» [14, с. 7–8].

С. Влахов и С. Флорин дают следующее определение понятию реалия: «В нашем понимании это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу "на общих основаниях", требуя особого подхода» [14, с. 47].

Относительно того, на каком языковом уровне могут выступать реалии, есть иное мнение. М. Л. Вайсбурд считает, что реалия может выступать как в качестве слова или словосочетания, так и в качестве целого предложения [14, с. 18]. Однако С. Влахов и С. Флорин не поддерживают ее точку зрения, поскольку наиболее распространенными реалиями, согласно их эмпирическому опыту, являются такие части речи, как существительное и отыменное прилагательное. Соответственно, реалиями все же следует считать только слова или устойчивые словосочетания, воспринимаемые как единое лексическое целое.

Классификация реалий осуществляется С. Влаховым и С. Флориным по различным основаниям: в зависимости от референта – предметное деление, от локальной принадлежности – местное деление, от хронологической принадлежности – временное деление, и, наконец, в зависимости от стратегии перевода – переводческое деление. Остановимся подробнее на последнем основании. Авторы выделяют следующие переводческие стратегии при переводе реалий:

а) Транскрипция реалии;

б) Непосредственный перевод;

- Введение неологизма (освоение реалии, калька, полукалька, семантический неологизм);
- Замена реалии реалией;
- Родовидовая замена;
- Перевод функциональным аналогом;
- Описательный перевод;
- Нулевой перевод [14, с. 47–78].

При этом, как мы уже упомянули в параграфе 1.4, при передаче реалий в ПЯ зачастую возникает асимметрия на прагматическом уровне при непосредственном восприятии текста читателем перевода в силу недостаточности фоновых знаний. С. Влахов и С. Флорин делают акцент на том, что данную асимметрию ни в коем случае нельзя недооценивать и что стоит либо давать расширенный перевод реалии с пояснением в контексте, либо делать пояснительные сноски [14, с. 82–86].

Описанные выше операции будут подробнее рассмотрены в практической части работы при анализе перевода встречающихся непосредственно в романе Ольги Форш реалий, таких как имена собственные, историзмы, советизмы, реалии-меры, звукоподражания, междометия, имитация речи иностранцев.

1.6. Выводы к главе 1

Итак, мы рассмотрели различные подходы к понятию перевода и эквивалентности и остановились на том, что наиболее успешной в теории перевода оказалась функционально-содержательная модель перевода, в которой учитываются всевозможные особенности как текста и его реципиентов на ИЯ, так и текста и его реципиентов на ПЯ.

Кроме того, мы выделили сложности, с которыми сталкивается переводчик непосредственно при художественном переводе. Их можно условно разделить на две объемные группы. Во-первых, это сложности, связанные с текстом на ИЯ: своеобразие авторского письма, время создания текста, его насыщенность средствами выразительности – различными тропами и стилистическими

фигурами и т. д. Во-вторых, восприятие текста: при высокой концентрации реалий в тексте возникает проблема с их передачей на ПЯ, поскольку реципиенты текста на ПЯ будут обладать совершенно другими фоновыми знаниями по сравнению с реципиентами на ИЯ. Все эти факторы влияют на особые отношения эквивалентности между художественным произведением и его переводом.

В первой главе мы также описали существующие как в зарубежной, так и в российской школе подходы к классификациям переводческих трансформаций и подробно разобрали одну из них – классификацию Л. К. Латышева –, которая ляжет в основу анализа в следующей главе.

Глава 2. Анализ переводческих трансформаций в переводе К. Пёльманн „Russisches Narrenschiff“

2.1. Характеристика исходного текста

Роман Ольги Форш «Сумасшедший корабль» повествует о буднях петербургского Дома Искусств (сокращенно ДИСК), открытого в 1919 году по инициативе К. Чуковского и при поддержке М. Горького. Учреждение просуществовало до 1923 года. Роман Ольги Форш был написан позднее, в конце 20-х годов, когда ДИСК уже не существовало, и впервые опубликован в 1930 году. Произведение не достигло широких масс, поскольку подверглось цензуре и не переиздавалось вплоть до 1964 года, когда его напечатали в Вашингтоне.

Жанр «Сумасшедшего корабля» трактуется литературоведами и писателями по-разному: Вяч. Вс. Иванов называет его «документальным романом с ключом» [цит. по: 26, с. 4], В. А. Рождественский – «ироническим романом-памфлетом» [цит. по: 18, с. 120], К. Чуковский – «романом-хроникой» [цит. по: 26, с. 182], а Д. Быков в предисловии к роману называет его «историческим» [1, с. 7]. Сама же писательница определила произведение как повесть [26, с. 181]. А. В. Чистобаев, рассуждая о жанровой природе «Сумасшедшего корабля», приходит к следующему выводу: «Это – текст с

неустойчивой пограничной жанровой природой. Отсюда – разногласия в определении: „роман“ или „повесть“» [26, с. 195].

Итак, произведение представляет собой вызов для переводчика, в первую очередь, в жанровом плане. Будучи отчасти «романом-хроникой», он насыщен бытовыми деталями, характерными как для повседневности ДИСКА, так и для России тех лет в целом. Роман отсылает к реальным личностям и ситуациям, хотя Ольга Форш и пытается отрицать этот факт: «Прежде чем перейти к повествованию, торопимся сделать оговорку: пусть читатель не ищет здесь личностей: личностей нет» [1, с. 19]. Однако то, что за многими фиктивными персонажами стоят прототипы реальных людей, подтверждают как сходные описания тех же ситуаций современниками писательницы, так и различные исследования, посвященные расшифровке персонажей романа. Первым ключ к пониманию предложил В. А. Милашевский: «Ряд забавных наименований, вроде вычурных елочных игрушек, скрыли имена реальных лиц. Прошло столетие! Все стало историей, и не стоит беречь эти маски». [23, с. 335] Действительно, неподготовленному современному читателю сложно распознать, кто скрывается за той или иной «маской» в романе. Здесь как читателю текста на ИЯ, так и читателю текста на ПЯ понадобятся комментарии. Однако фоновые знания русскоязычной аудитории о поэтах и писателях Серебряного века наверняка окажутся глубже. Например, если в комментарии будет указано, что прототипом Гаэтана для Ольги Форш послужил Александр Блок, то у читателя на ИЯ возникнут определенные ассоциации с образом поэта, как минимум, на уровне школьной программы, чего нельзя утверждать о читателе на ПЯ. Что касается остальных реалий – бытовых, географических, исторических и др. – все они будут чужды рядовому носителю немецкого языка.

Кроме того, нелегкой задачей для переводчика является и авторский стиль. Язык Ольги Форш очень выразительный и образный, он насыщен постоянными метафорами и аллюзиями, игрой слов, звукоподражаниями и имитацией речи иностранцев. Роману присущ ироничный тон. Во всем

произведении прослеживается тенденция к сложному синтаксису. Также в романе присутствуют стихотворные вставки. При этом переводчица не ограничивается переводом лишь стихотворений самой Ольги Форш в рамках романа – в конце книги „Russisches Narrenschiff“, в разделе „Lyrisches Gepäck“ (дословно «лирический багаж»), Кристиана Пёльманн также помещает свои переводы «Незнакомки» Александра Блока, отрывка из «Плача о Сергее Есенине», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» Сергея Есенина, «А смоленская нынче именинница...» Анны Ахматовой и др. Переводчица мотивирует свое решение тем, что лишь после ознакомления читателя с творчеством данных поэтов он сможет лучше прочувствовать атмосферу того времени, а также понять все смысловые и стилистические отсылки автора [2, с. 319–320]. Вопрос о том, как рифма влияет на выбор и осуществление переводческих трансформаций, безусловно, заслуживает особого внимания. Стихотворные вставки из нашего корпуса, а также стихотворения из „Lyrisches Gepäck“ могли бы послужить материалом для отдельного исследования. В данной работе в силу ограничений допустимого объема ВКР перевод стихотворений рассматриваться не будет.

2.2. Перевод заглавия романа

Взаимодействие со всяким художественным произведением в большинстве случаев начинается с прочтения его заглавия. Под заглавием понимается «первая, графически выделенная, строка текста, содержащая «имя» произведения» [4, с. 849]. Случается даже так, что на заглавии знакомство читателя с текстом заканчивается. Х. Шлаффер в статье „Der Umgang mit Literatur: Diesseits und jenseits der Lektüre“ («Обращение с литературой: по обе стороны чтения») пишет следующее: «Чтение основного текста начинается не с первого слова самого этого текста, а с прочтения сопровождающих его текстов – с текстов, которые предшествуют ему, обрамляют его и тем самым воздействуют на его прочтение. Внимательное прочтение коротких текстов (заглавий, аннотаций или реклам от издательств, предисловий, рецензий,

пересказов) предваряет потенциальное чтение самых разнообразных книг, но в то же время во многих случаях его и предотвращает» [34, с. 5].⁴ Х. Шлаффер определяет заглавие как «короткий текст», предваряющий прочтение основного текста. Из заглавия читатель получает первое представление о произведении и делает первые предположения о его содержательной и идейной сторонах. И даже если на данном этапе прочтение заканчивается, то, как отмечает Х. Шлаффер, этого уже достаточно для пополнения общего фонда литературных знаний читателя.

Таким образом, заглавие художественного произведения находится в «сильной позиции» [4, с. 849] и перенимает важные функции, а именно: 1) именующую, 2) концептуально-содержательную и 3) аттрактивную [11, с. 7]. О. Ю. Богданова отмечает, что «указанные функции не равнозначны по своей значимости для каждого конкретного заглавия каждого конкретного художественного текста». Для прозаических произведений XIX-XX веков характерно вынесение в заглавие определенной аллюзии, метафоры или символа. В таком случае превалирующей становится аттрактивная функция – заглавие должно привлечь внимание читателей, вызывая у него различные образные ассоциации и отсылая его к другим произведениям искусства, культурно-историческим событиям и т. д.

Заглавие романа Ольги Форш можно отнести к вышеназванному типу заглавий. «Сумасшедший корабль» – это и символ, и метафора, и аллюзия. Автор в начале первой же главы дает трактовку метафоричного названия произведения: в образе Сумасшедшего корабля выступает петербургский Дом искусств – «откуда-то возникший и куда-то несущийся корабль» [1, с. 23]. Отсюда и деление романа не на главы, а на «волны». Причем произведение включает в себя всего девять «волн». Согласно преданиям моряков, именно «девятый вал» во время шторма представляет собой наибольшую угрозу. Что

---

⁴ „Lektüre beginnt nicht mit dem ersten Wort des Textes, sondern mit der Lektüre von den Begleittexten, die ihm vorausgehen, ihn umgeben und die Lektüre beeinflussen. Eine wirkliche Lektüre kurzer Texte (Titel, Verlagsankündigung, Waschzettel, Vorworte, Rezensionen, Referate) eröffnet die mögliche Lektüre umfangreicher Bücher — und erspart sie in den meisten Fällen“

касается аллюзивного смысла заглавия, то А. В. Чистобаев считает название романа «парафразой» названия картины Иеронима Босха «Корабль дураков» конца XV века [26, с. 69].

В переводе Кристианы Пёльманн роман получил название „Russisches Narrenschiff“. Если проанализировать данный перевод с формальной точки зрения, то структура заглавий полностью симметрична. В оригинале перед нами на синтаксическом уровне именная группа, в ПЯ – та же Nominalphrase. Не наблюдается изменений и на категориально-морфологическом уровне: как в русском, так и в немецком языке в заглавии участвуют согласованные имя прилагательное и имя существительное. Смысловым ядром или так называемой вершиной именной группы всегда выступает имя существительное. Соответственно, в ИЯ вершиной синтагмы является «корабль», а в ПЯ – „Narrenschiff“.

Первая переводческая трансформация происходит исключительно на лексическом уровне. В отличие от «корабля» немецкое существительное представляет собой сложное слово, а именно Determinativkompositum или определительное сложное слово. В таких сложных словах всегда присутствуют отношения подчинения между компонентами, т. е. имеется главный компонент, т. н. Grundwort («определяемое»), и описательный компонент, т. н. Bestimmungswort («определяющее») [22, с. 6]. Зачастую «определяемое» в сложном немецком слове выступает в качестве второго элемента, а «определяющее» – в качестве первого. Именно так устроен композит „Narrenschiff“, где „Schiff“ («судно» или «корабль») является главным компонентом, а „Narren“ («дураки» или «глупцы») – описательным. Таким образом, дословный перевод может звучать как «корабль дураков». При этом если в русском заглавии отсылка к картине И. Босха «Корабль дураков» более завуалирована, поскольку, как уже упоминалось, «Сумасшедший корабль» в ИЯ можно назвать парафразой, то в ПЯ смысловое ядро номинальной фразы в точности совпадает с названием картины по-немецки – „Das Narrenschiff“. Более того, использованное переводчицей

существительное „Narrenschiff“ отсылает и к одноименному литературному произведению Себастьяна Бранта, датируемого 1494 годом.

В послесловии к тексту романа Кристиана Пёльманн дает читателям небольшую биографическую справку о жизни и творчестве Ольги Форш, которая была не только писательницей, но и художницей. В этой связи переводчица делает следующую оговорку о заглавии романа: «Третий ее роман – это „Сумасшедший корабль“, и, конечно, она была знакома с картиной Иеронима Босха...»⁵ [2, с. 297]. Через несколько страниц Кристиана Пёльманн также упоминает имя С. Бранта: «Форш была образованной женщиной, и, быть может, она была знакома с произведением Себастьяна Бранта, впервые переведенным на русский язык в 1965 году»⁶ [2, с. 301]. Если в том, что Ольга Форш была знакома с картиной И. Босха у исследователей ее творчества сомнений нет, то относительно поэмы С. Бранта такой уверенности быть не может, поскольку, как пишет сама Пёльманн, полноценный перевод «Корабля дураков» на русский язык впервые появился в 1965 году (до этого поэму можно было найти лишь отрывками в различных хрестоматиях), т. е. намного позже написания романа «Сумасшедший корабль». Однако даже если данная аллюзия не являлась интенцией писательницы и если далеко не у каждого читателя на ИЯ возникнет ассоциация с поэмой С. Бранта, переводческое решение Кристианы Пёльманн все же вполне оправдано. Здесь важна вовсе не аллюзия на конкретное произведение искусства, а отсылка к аллегорическому образу, который совпадает у И. Босха и у С. Бранта, – к плывущему на корабле безумному человечеству, обреченному на гибель. Некоторые искусствоведы считают, что поэма С. Бранта могла послужить для И. Босха отправной точкой в написании картины.

Итак, выбор переводчицей в заглавии существительного „Narrenschiff“ кажется оптимальным решением. Однако данное сложное слово в немецком

---

⁵ „Ihr dritter Roman ist das *Narrenschiff*, und selbstverständlich hat sie das Gemälde von Hieronymus Bosch gekannt...“

⁶ „Forsch war eine gebildete Frau, womöglich kannte sie sogar Sebastian Brants Werk, das erst 1965 ins Russische übersetzt wurde“

языке семантически охватывает целое словосочетание в русском. „Narrenschiff“ (как мы определили выше, дословно «корабль дураков») является смысловым аналогом всего словосочетания «Сумасшедший корабль». Но несмотря на исчерпывающую семантическую эквивалентность, очевидно, что оставить в переводе только существительное нельзя. Во-первых, будет нарушена упомянутая ранее именуемая функция заглавия: если в ИЯ «Сумасшедший корабль» как название литературного произведения реферирует непосредственно к роману Ольги Форш, то „Das Narrenschiff“ реферировал бы сразу к нескольким произведениям. Таким образом переводчица нарушила бы ту уникальность, которой обладает название романа в ИЯ. Во-вторых, в переводе отсутствовала бы и синтаксическая симметричность.

Так, Кристиана Пёльманн, используя лексическую трансформацию, прибегает еще и к глубинной трансформации и добавляет в переводе прилагательное „Russisches“. Суть глубинных трансформаций заключается в том, что при переводе изменяется «набор составляющих, избранных для описания ситуации» [21, с. 283]. Именно это мы наблюдаем в переводе Кристианы Пёльманн. Однако, помимо уже указанных выше мотивов для использования такой трансформации (уникальность заглавия и синтаксическая симметричность), значимую роль играет также колоритность. В начале главы мы упомянули, насколько важным фактором является заглавие произведения в связи с привлекательностью для потенциального читателя. Нетипичное, небанальное заглавие или говорящее за само произведение заглавие с большей вероятностью привлечет к себе внимание и расположит к чтению. Соответственно, можно предположить, что введение в перевод прилагательного „Russisches“, отсылающего к определенной национальной принадлежности и определенному культурному пространству, было продиктовано также необходимостью расширить контекст для немецкоговорящего читателя и дать ему некий ориентир касательно содержания романа.

2.3. Категориально-морфологические и синтаксические трансформации

В первой главе была сделана важная оговорка о том, что та или иная трансформация в «чистом виде» встречается сравнительно редко. Зачастую в переводе комбинируется сразу несколько переводческих приемов. Именно поэтому при анализе дальнейших примеров следует учитывать то, что при рассмотрении определенного вида переводческой трансформации акцент будет делаться непосредственно на данной трансформации в соответствующем примере. Нерелевантные для определенной главы трансформации могут быть проигнорированы.

Синтаксические и категориально-морфологические трансформации очень распространены и часто становятся неотъемлемой частью перевода. При этом обе трансформации тесно взаимосвязаны и редко выступают поодиночке. Так, при изменении синтаксиса в ПЯ происходит перераспределение функций тех или иных слов в предложении, что приводит к категориально-морфологическим трансформациям, поскольку за определенной частью речи в грамматике закреплена определенная роль в предложении. И, наоборот, если при переводе происходит переход из одной части речи в другую, это зачастую влечет за собой и изменения в синтаксисе предложения. Обратимся к примерам из текста:

(1) В Сумасшедшем Корабле сдавался в архив истории последний период русской словесности [с. 193].

Die Narretei beherbergt das Archiv der letzten Periode der russischen Literatur [с. 132].

В оригинале (1) в роли подлежащего выступает «последний период русской словесности», а в роли сказуемого – глагол в прошедшем времени страдательного наклонения «сдавался». В переводе же мы видим смысловое перераспределение, которое ведет к тому, что обстоятельство «в Сумасшедшем Корабле» становится подлежащим „Die Narretei“, а «последний период русской словесности» объединяется переводчицей с обстоятельством

«в архив истории» в единое прямое дополнение „das Archiv der letzten Periode der russischen Literatur“. Сказуемое, отраженное в переводе как „beherbergt“, претерпевает не только изменение временной формы на так называемое настоящее историческое („historisches Präsens“), а страдательного залога на действительный, но и лексическую трансформацию.

(2) Из ключьев под его ногами выросла уже целая куча пушистого снега, и он автоматически наступал на нее то носком одного сапога, то другого [с. 30].
Am Boden hatten die Schnipsel bereits eine kleine Wehe flockigen Schnees gebildet, auf die Subaty völlig abwesend mal mit der Spitze des einen, mal mit der des anderen Stiefels trat [с. 13].

В примере (2) также можно наблюдать синтаксическую трансформацию, связанную с перераспределением ролей в предложении. Так, в оригинале говорится, что из ключьев выросла куча пушистого снега, а в переводе – ключья образовали кучу пушистого снега. Подлежащее «куча» из оригинала, как и подлежащее в примере (1), трансформируется в прямое дополнение.

(3) Диваны и кресла вокруг круглого столика с прекрасно одетой и милой *madame la polprode* полны были дамского щебета [с. 51].

Von den Diwanen und Sesseln rund um den kleinen runden Tisch mit der ebenso liebreizenden wie prachtvoll gekleideten "Madame la Bevollmächtigte" erhob sich das Gezwitscher der Damen [с. 29].

Пример (3) иллюстрирует комбинацию обеих трансформаций – и категориально-морфологической, и синтаксической. Категориально-морфологической трансформации подвергается прилагательное «дамский», которое в переводе становится существительным „der Damen“. Синтаксическая трансформация заключается в том, что в составном сказуемом «полны были дамского щебета» именная часть – «дамский щебет» – в ПЯ становится подлежащим „das Gezwitscher der Damen“, а подлежащее из ИЯ «диваны и кресла» превращается в ПЯ в обстоятельство места „von den Diwanen und Sesseln“. Сказуемое, как и в примере (1), подвергается лексической замене.

(4) Сказать — французский Ставрогин перед тем, как ему взять за нос губернатора и провести через зал [с. 54].

Ein französischer Stawrogin, sozusagen, der den Gouverneur gleich bei der Nase packen und ihn durch den ganzen Raum schleifen würde [с. 31].

(5) Он улыбается нарочито вдруг, совсем будто щелкун, перед тем как ему кракнуть орех [с. 54].

Er lächelte absichtlich wie auf Knopfdruck, der reinste Nussknacker, der sich jederzeit bereitwillig an sein Werk machen würde [с. 31].

В примерах (4) и (5) в оригинале в придаточных предложениях мы имеем дело с т. н. независимым инфинитивом⁷: «ему [Ставрогину] взять за нос губернатора и провести через зал» и «ему [щелкуну] кракнуть орех». Независимый инфинитив с дативной конструкцией при временном союзе «перед тем как» служит для передачи значения возможности какого-либо действия, потенциальности его совершения. В ПЯ данная конструкция отражается с помощью постановки глаголов в сослагательное наклонение — Konditionalis (т. н. „würde-Form“). При этом временной союз в ПЯ не употребляется, придаточное предложение и в (4), и в (5) становится определительным.

(6) Добровольницы-уборщицы стирают, крестясь, пыль с обоих [с. 88].

Die freiwilligen Putzfrauen entstaubten unter ständigen Bekreuzigungen beides [с. 56].

В примере (6) мы наблюдаем следующие категориально-морфологические и синтаксические трансформации: 1) сложное существительное и при этом авторский окказионализм «добровольницы-уборщицы» переводится с помощью именной группы „die freiwilligen Putzfrauen“; 2) составное именное сказуемое «стирают пыль» превращается в простое глагольное сказуемое „entstaubten“, полностью эквивалентное семантически, однако отличное по временной форме: если в (1) прошедшее время заменялось настоящим историческим, то

---

⁷ http://rusgram.ru/Конструкция_с_независимым_инфинитивом

здесь, наоборот, настоящее время заменяется т. н. презентным или «рассказывающим» претеритом (präsentisches bzw. erzählendes Präteritum); 3) обстоятельство образа действия, выраженное деепричастным оборотом «крестясь», переводится обстоятельством образа действия, выраженным предложной группой „unter ständigen Bekreuzigungen“. Несмотря на полностью «перекроенную» с точки зрения категориально-морфологических и синтаксических отношений структуру, предложение полностью сохранило свою семантическую оболочку.

Таким образом, категориально-морфологические и синтаксические трансформации являются одними из наиболее частых и, можно сказать, базовых трансформаций в процессе любого вида перевода. И работа Кристианы Пёльманн не стала исключением – в ее переводе данные трансформации также очень частотны и встречаются почти в каждом переведенном предложении, поскольку, как можно наблюдать на основе пяти рассмотренных выше предложений, они либо вовсе не сказываются на исходном смысле, либо меняют смысл лишь в незначительной степени, но при этом позволяют уходить от буквализма и заставляют предложения «звучать по-немецки».

2.4. Лексические трансформации

В отличие от категориально-морфологических и синтаксических трансформаций, лексические влекут за собой более значительное изменение исходного смысла, поскольку при замене единицы ИЯ не ее основным словарным эквивалентом в ПЯ, а некой другой единицей, выбранной автором перевода в индивидуальном порядке, неизбежно происходит «прирастание» новых коннотаций.

(7) Завистницы говорили, что здесь назревало умыкание одного поэта одной грузинской княжной и поэтессой [с. 72].

Manch neidisches Frauenzimmer munkelte daher, ebenhier habe sich der Raub des Dichters angebahnt, zu dem sich später eine georgische Fürstin und Poetesse verstiegen habe [с. 44].

В примере (7) особо интересным представляется перевод глагола «говорили» – „munkelte“ – и существительного «умыкание» – „Raub“. В первом случае глагол в оригинале является высокочастотным и семантически нейтральным, его словарным соответствием в немецком является глагол „sprechen“ или „reden“⁸. Однако переводчица прибегает к лексической трансформации и использует стилистически окрашенный разговорный глагол „munkeln“, который в словаре соответствует русскому «перешептываться»⁹. Обратное явление мы наблюдаем во второй трансформации, где разговорное отглагольное существительное «умыкание» переводится не первым словарным соответствием „Entführung“¹⁰, а более обширным понятием „Raub“¹¹. Однако даже если в данном случае произвести перевод методом подстановки, стилистически существительное „Entführung“, точно так же, как и „Raub“, будет неэквивалентно «умыканию». Таким образом, данное переводческое решение можно рассматривать в качестве примера компенсации: добавляя в ходе первой лексической трансформации коннотацию разговорности к глаголу «говорить», Кристиана Пёльманн тем самым восстанавливает то, что теряется при переводе существительного «умыкание».

(8) В альковчиках мавританского стиля укрывались влюбленные парочки <...> [с. 64].

In den Alkoven mauretanischen Stils turtelten verliebte Pärchen <...> [с. 38].

В (8) глагол «укрывались» можно трактовать по-разному, поскольку альковчики – это либо спальная комната, либо постель¹². Соответственно, парочки либо укрывались под одеялом в постели, либо же они укрывались от других жителей Дома искусств в спальне. В первом значении глаголу «укрываться» соответствовал бы немецкий глагол „sich bedecken“ или „sich

⁸ Большой русско-немецкий словарь, Лейн К., с. 122

⁹ <https://translate.academic.ru/munkeln/de/ru/>

¹⁰ Большой русско-немецкий словарь, Лейн К., с. 654

¹¹ <https://translate.academic.ru/Raub/de/ru/>

¹² <https://lexicography.online/explanatory/mas/a/альков>

zudecken“, а во втором значении – „sich verstecken“¹³. Однако в переводе мы видим глагол „turteln“, который в цифровом словаре немецкого языка (далее DWDS) дается с пометами *umgangssprachlich* – *разг.* – и *häufig scherzhaft* – *шутл.* Эквивалент глагола „turteln“ в русском языке звучит «ворковать». Таким образом, в (8) происходит лексическая замена, которая мотивирована не отсутствием эквивалента в ПЯ, а влиянием общего иронического тона произведения.

(9) Справедливо доказуя писателям, что десять яиц — это чудесная яичница, а одно яйцо — пачкотня, он им предложил каждому уступить ему свое скудное яичное право [с. 215].

In aller Ruhe setzte er den Schriftstellern daher auseinander, dass ein einzelnes Ei erbärmlich sei, ein ganzes Dutzend jedoch ein wunderbares Rührei ergebe, und schlug ihnen vor, ihm ihr klägliches Eirecht abzutreten [с. 148].

В примере (9) наречие «справедливо» заменяется предложной группой „in aller Ruhe“, дословно значащей «в полном спокойствии». Привычный русскому человеку десяток яиц превращается не в словарное соответствие «десяти» – „zehn“ или „Zehner“, а в более привычный немецкому читателю концепт двенадцати яиц – „Dutzend“. И, наконец, интересен также перевод существительного «пачкотня» не с помощью словарного эквивалента „Schmiererei“¹⁴, а с помощью прилагательного „erbärmlich“. В DWDS данное прилагательное указано с основной пометой *umgangssprachlich*, т. е. *разг.*, и дополнительной возможной пометой *abwertend*, т. е. *презр.* или *пренебр.*, что полностью совпадает с оттенками значения существительного в оригинале. Таким образом, лексические трансформации в (9), сопровождаемые между прочим и категориально-морфологическими, и синтаксическими трансформациями, не влияют на глубинный смысл предложения.

(10) — Выдайте пекарям всю букву «Г»!

¹³ Большой русско-немецкий словарь, Лейн К., с. 652

¹⁴ Большой русско-немецкий словарь, Лейн К., с. 407

И выдали пекарям вперемешку — Гёте, Гервинуса, глину, голубей и глисты [с. 247].

“Für die Bäcker die mit g!”

Und so erhielten die Bäcker den bunten Strauß aus Ganglien, Gervinus, Goethe und Grau [с. 172].

В (10) мы видим интересный пример того, как лексические замены могут быть неизбежными для сохранения авторской задумки. Так, вместо «глины», которая на немецком звучит как „Lehm“, «глистов» – „Würmer“ и «голубей» – „Tauben“, в переводе появляются „Grau“ и „Ganglien“, а третье слово и вовсе опускается. Мотивом таких замен является необходимость сохранения буквы «г» в начале каждого слова. Очевидно, что в оригинале между приведенными после тире понятиями содержательно мало общего – комичность ситуации заключается именно в том, что Гёте и Гервинус ставятся в один ряд с книгами про глину, голубей и глистов. Появление в ПЯ существительного „Ganglien“, (в переводе медицинское понятие «ганглии» или «нервные узлы») можно связать с «глистами», косвенно также имеющими отношение к медицине. Субстантивированное прилагательное „Grau“ в переводе означает «серый» или «серость», и можно предположить, что оно отчасти вбирает в себя цветовую характеристику как глины, так и голубей. Любопытно, что наряду с лексической трансформацией, Кристиана Пёльманн прибегает к рассмотренному выше типу синтаксической трансформации и изменяет порядок следования однородных дополнений в перечислении. Если в оригинале ряд начинается «Гёте», а заканчивают «глисты» (что, на мой взгляд, следует рассматривать как задуманный автором антиклимакс с целью создания комического эффекта), то в переводе существительные располагаются от более длинных к более коротким по количеству букв и фонем, а смысловая комическая градация таким образом теряется.

2.5. Глубинные трансформации

В отличие от предыдущих трех типов трансформаций – категориально-морфологических, синтаксических и лексических – глубинные трансформации наибольшим образом сказываются на схеме оригинальной авторской мысли – они изменяют набор описывающих ту или иную ситуацию составляющих. Другие авторы, как, например, Я. И. Рецкер называют этот тип трансформаций смысловым развитием, поскольку в нем затрагивается логическая структура предложения.

(11) Отъехав обратно в провинцию, он умолкал [с. 261].

Nachdem er wieder abgedüst war, hörte man kein Sterbenswörtchen mehr von ihm [с. 182].

(12) Написался им как-то экспромт по одному смешному, прямо сказать — «личному» случаю [с. 215].

Einmal hatte er eine Improvisation zu einer komischen Begebenheit verfasst, die er – warum das verschweigen – selbst erlebt hat [с. 147].

(13) В залы безвкуснейшей роскоши набегали в нарядах стервозочки с улиц [с. 178].

In die geschmacklos überladenen Säle stürmten irgendwelche herausgeputzten Flittchen, die niemand kannte [с. 121].

(14) — Осипнете, Якович [с. 68].

"Sie sind schon ganz heiser, Jakowitsch!" [с. 41].

Так, в (11) меняется способ представления ситуации молчания героя: «он умолкал» превращается в ПЯ дословно в «от него не слышали больше ни словечка», т. е. действие – кто-то умолкает – заменяется на следствие этого действия – вокруг воцаряется тишина, никто не слышит ни слова (причинно-следственная замена). В (12) вводная конструкция «прямо сказать» переводится фразой, дословно значащей «к чему замалчивать», а ««личный» случай» превращается в «случай, который он пережил сам». В (13) «стервозочки с улиц» передаются переводчицей как «легкомысленные

девчушки, которых никто не знал», т. е. характеристика девиц заменяется на то, как их в связи с этой характеристикой воспринимали – они были с улиц, соответственно, их никто не знал. В (14) смысловому развитию подвергается глагол в будущем времени «осипнете», несущий на себе предупреждающую функцию. Ситуация неподконтрольна говорящему, но подконтрольна адресату – Яковичу, который может говорить тише и тем самым предотвратить осиплость голоса. Кристиана Пёльманн заменяет оригинальное односоставное предложение полным двусоставным „Sie sind schon ganz heiser“, что на русский дословно переводится как «Вы уже совсем осипли». Ситуация, таким образом, в оригинале и в переводе описывается по-разному: в тексте на ИЯ не утверждается, что Якович уже осип, в то время как в тексте на ПЯ это констатируется как факт. Однако с прагматической точки зрения импликатура говорящего – «Вам нужно говорить потише» или «Вам следует беречь голос» – в переводе сохраняется.

Во всех приведенных выше примерах глубинные трансформации обусловлены исключительно переводческой волей. Можно было бы перевести данные пассажи ближе к оригиналу, не нарушая при этом языкового узуса. Например, «прямо сказать» соответствовало бы немецкой конструкции „um es offen zu sagen“, или же «“личный“ случай» можно было бы заменить именной группой „persönliche Begebenheit“ или „private Begebenheit“. И все же нельзя называть глубинные трансформации в „Russisches Narrenschiff“ неоправданными, поскольку зачастую они мотивированы стилистически: если оригинальный текст отличается нетипичным построением предложений, то и в ПЯ должны приниматься нестандартные решения для передачи присутствующей в ИЯ уникальности.

Однако бывают и такие случаи, в которых прибегать к глубинным трансформациям необходимо, чтобы не нарушать языковой узус. Рассмотрим следующий пример:

(15) Оставшаяся половина так выиграла, что, увидев свет, оказалась «гвоздем» прозы того сезона, и автор ее сразу стал с именем [с. 260].

Die verbliebene Hälfte gewann dadurch derart, dass sie in der damaligen literarischen Saison wie eine Bombe einschlug. Der junge Autor hatte sich auf Anhieb einen Namen gemacht [с. 181].

В (15) предложение на ИЯ содержит фразеологизм «гвоздь сезона». Как пишут С. Влахов/С. Флорин, переводчику необходимо отталкиваться от положения «фразеологизм переводится фразеологизмом» [14, с. 183], при этом если в ПЯ отсутствует эквивалентный фразеологизм (что и происходит чаще всего), необходимо подобрать функциональный аналог. Именно так поступает Кристиана Пёльманн. В немецком нет устойчивого словосочетания с эквивалентным значением и с компонентом «гвоздь», соответственно, переводчица использует функциональный аналог – устойчивое словосочетание с другими составляющими, но схожим значением. Фразеологизм „wie eine Bombe einschlagen“ можно перевести следующим образом: «произвести эффект разорвавшейся бомбы»¹⁵. Набор составляющих, описывающих ситуацию, таким образом, меняется. Но, несмотря на это, общее коммуникативное воздействие на читателя остается неизменным.

(16) Заполучив сотню яиц, предприимчивый полковник как в воду канул [с. 215–216].

Sobald er hundert Eier zusammenhatte, war der geschäftstüchtige Oberst auf Nimmerwiedersehen verschwunden [с. 148].

Точно так же, как и в (15), в (16) переводчица сталкивается с фразеологизмом «в воду кануть» и находит ему функциональный аналог в немецком – „auf Nimmerwiedersehen verschwinden“. Однако в немецком есть и иное функционально эквивалентное устойчивое словосочетание „wie vom Erdboden verschluckt“, которое соответствовало бы русскому «как сквозь землю провалиться». Нельзя сказать наверняка, почему Кристиана Пёльманн прибегает именно к такой трансформации, однако можно предположить следующее: во-первых, в корпусе DWDS „auf Nimmerwiedersehen verschwinden“ выдает восемь результатов, в то время как „wie vom Erdboden

---

¹⁵ <https://translate.academic.ru/wie%20eine%20Bombe%20einschlagen/de/ru/>

verschluckt“ – пять; во-вторых, выбранный переводчицей фразеологизм образно более нейтральный (в нем нет ни образа воды, как в оригинале, ни образа земли, как во втором аналоге), но при этом в DWDS он указан с пометой *шутл.* Ирония в предложении контекстуально обусловлена, соответственно, коннотация *шутл.* в ПЯ уместна. Переводческое решение, таким образом, можно считать успешным.

2.6. Специфические трансформации

В отличие от рассмотренных выше четырех типов трансформаций, которые Л. К. Латышев называет фундаментальными, специфические трансформации выделяются не на основании определенного языкового уровня, а «на основании более частных, более специфических соотношений оригиналов и переводов» [21, с. 289].

2. 6. 1. Антонимический перевод

Антонимический перевод подразумевает передачу оригинального понятия на язык перевода с помощью противоположного понятия. Данную трансформацию образно можно представить как замену «плюса» на «минус» и наоборот. При этом, чтобы смысл предложения остался неизменным, при антонимическом переводе вводится дополнительное отрицание. Однако замена не всегда ограничивается одной лексемой, иногда трансформация затрагивает целую синтагму, поэтому Л. К. Латышев относит их к специфическим трансформациям.

(17) На улице переодетые французские шпики и полиция явная стерегут от своих и от наших [с. 51].

Auf der Straße getarnte französische Schnüffler und ungetarnte Polizei, die Erstere offenbar vor den eigenen Leuten ebenso beschützt wie vor unseren [с. 28].

В (17) антонимическая замена происходит на лексическом уровне. В оригинале Ольга Форш противопоставляет прилагательное «переодетый» прилагательному «явный». Кристиана Пёльманн, отталкиваясь от перевода

«переодетый» как „getarnt“¹⁶, переводит и второе понятие – «явный» – не прямым словарным эквивалентом „offensichtlich“¹⁷, а с помощью того же причастия второго, добавляя к нему приставку с отрицательным значением „un“ – „ungetarnt“ (дословно «незамаскированный»).

(18) — Только не опоздайте! Я знаю — русские способны опоздать на целых десять минут <...> [с. 60].

"Seid ja pünktlich!", schärfte er uns wieder und wieder ein. "Ich weiß, dass ihr Russen es fertigbringt, euch sogar zehn Minuten zu verspäten <...>" [с. 35].

В (18) антонимическому переводу подвергается первое предложение, в котором простое глагольное сказуемое «не опоздайте» на немецкий передается с помощью составного именного сказуемого „seid pünktlich“ (дословно «будьте пунктуальны»).

(19) Пришли. У старца горница чистая, не потайная [с. 88].

Sie erreichten ihr Ziel. Der Starez hatte eine saubere, offene Stube [с. 55].

В (19), как и в (17), происходит замена на лексическом уровне: «не потайная горница» переводится как „offene Stube“ (дословно «открытая горница»).

(20) Нет, не кончилась фабула «Сохатый» в волне предыдущей <...> [с. 159].

Stimmt, der Sochaty-Strang ist in der vorausgegangenen Welle noch nicht zu Ende geführt worden <...> [с. 107].

В (20) отрицательная частица «нет» переводится глаголом с утвердительным значением „stimmt“.

2. 6. 2. Метафоризация и деме́тафоризация.

Следующие два подвида специфических трансформаций – метафоризация и деме́тафоризация. В первом случае некое понятие или выражение с прямым значением заменяется в ПЯ метафорическим понятием или выражением. Во втором случае, наоборот, в оригинале метафорическое понятие или выражение передается в переводе с помощью понятия или выражения, лишённого образности в ПЯ.

---

¹⁶ „tarnen“ – «маскировать»: <https://translate.academic.ru/tarnen/de/ru/>

¹⁷ Большой русско-немецкий словарь, Лейн К., с. 704

(21) <...> и девочка гордилась, если бывала отдельно задержана батюшкой <...> [с. 213].

<...> und jedes Mädchen platzte vor Stolz, wenn der Batjuschka es zu sich rief <...> [с. 146].

В (21) глагол «гордиться» заменяется устоявшимся метафорическим выражением „vor Stolz platzen“, что в переводе на русский означает «лопаться от гордости».

(22) Федосеич создавал этому козлу, опасаясь, что как частный козел, не ровен час, он товар контрабандный, практику одной устной молвой, без объявлений [с. 150].

Für diesen warb Fedossejtsch jedoch ausnahmslos mit Mundpropaganda, verzichtete also auf jeden Anschlag, schließlich ist Vorsicht die Mutter der Porzellankiste: Nicht, dass sein Tier als privater Bock am Ende zur Schmuggelware erklärt wurde [с. 100].

В (22) в оригинале автор употребляет рядом с деепричастием «опасаясь» схожее с ним по значению просторечное выражение «не ровен час»¹⁸. В немецком языке и «опасаясь», и «не ровен час» заменяются метафорической пословицей (Sprichwort): „die Mutter ist die Vorsicht der Porzellankiste“, дословный перевод которой звучит как «осторожность – мать коробки с фарфором», что означает «осторожность – прежде всего»¹⁹. Общий смысл – выражение опасения, предусмотрительности – передан верно. Однако следует отметить, что в значении пословицы, в отличие от поговорки, всегда присутствует назидательный, нравоучительный оттенок [4, с. 763].

(23) Из-за мебельной эскапады прохватил всех сквозняк, и к ночи сделался жар [с. 50].

Wegen der Möbeleskapaden hatte es überall gezogen wie Hechtsuppe, zur Nacht stellte sich bei manchen Fieber ein [с. 27].

¹⁸ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/48321/He>

¹⁹ <https://translate.academic.ru/die%20Vorsicht%20ist%20die%20Mutter%20der%20Porzellankiste/de/ru/>

В (23) совершается переход от одной разновидности метафоры к другой. Так, в оригинале используется прием олицетворения – «прохватил сквозняк». В переводе же мы видим метафорическое сравнение „es hatte wie Hechtsuppe gezogen“ (дословно: «сквозило/тянуло, как щучий суп»), что переводится как «страшно/жутко сквозило»²⁰.

(24) В его инопланетности сам черт ногу сломит [с. 232].

Aber den versteht doch niemand [с. 160].

В (24) представлен пример деметафоризации. Во-первых, автор использует существительное «инопланетность» в переносном, образном значении. Во-вторых, в предложении также присутствует экспрессивное метафорическое просторечное выражение «сам черт ногу сломит». В переводе же исчезает и первое, и второе. Предложение в ПЯ – „Aber den versteht doch niemand“ (дословно: «Но ведь его никто не понимает») – лишается образности, все слова употребляются в прямом значении.

(25) Еще не у всех были академические пайки, и осаждали «генуэзскую крепость», — заведующего ими Волосатика. Волосатик же кого огорчал, кого радовал [с. 178].

Da noch nicht alle die Ration für Akademiker erhielten, belagerten sie den zuständigen Mann, einen gewissen Wolosatik, ein launischer Mensch, der mal jeden hinausschmiss, mal jeden beglückte [с. 121].

В (25) представлен пример частичной деметафоризации: авторская метафора «осаждали „генуэзскую крепость“, – заведующего ими Волосатика» передается Кристианой Пёльманн как „belagerten sie den zuständigen Mann, einen gewissen Wolosatik“, что дословно значит «осаждали ответственного за это мужчину, некого Волосатика». Таким образом, в переводе сохраняется лишь первая часть метафоры, заключенная в глаголе «осаждать» – „belagern“, вторую же часть – сравнение Волосатика с Генуэзской крепостью – переводчица опускает.

---

²⁰ <https://translate.academic.ru/wie%20hechtsuppe/de/ru/>

2. 6. 3. Импликация и экспликация

Последние два подвида специфических трансформаций – импликация и экспликация (также известные как генерализация и конкретизация соответственно). При импликации переводчик передает некое понятие из текста оригинала через более широкое по значению понятие в ПЯ (в некоторых случаях через соответствующий гипероним), т. е. переводчик генерализирует высказывание, имплицитно выражая то, что эксплицитно выражено в оригинале. При экспликации понятие или выражение, наоборот, сужается и конкретизируется.

(26) Опустошенные писатели, покоровшись без борьбы, уже было наладились, как они будут спать на многотомнейших классиках, обедать за энциклопедией или сидеть на современниках с автографом [с. 44].

Die entmöbelten Schriftsteller, die sich kampflos geschlagen gegeben hatten, malten sich bereits aus, wie sie auf Gesamtausgaben von Klassikern nächtigen, an Enzyklopädien essen oder auf zeitgenössischer Prosa mit Autorenwidmung Platz nehmen würden [с. 23-24].

В (26) мы видим пример контекстуально обусловленной экспликации. В оригинале речь идет о том, что писателей в Доме искусств лишили мебели, и потому они «опустошенные». Кристиана Пёльманн, исходя из контекста, приходит к более конкретному метафорическому эпитету „entmöbelt“ (дословно «демеблированный»). На мой взгляд, такое нетипичное употребление причастия второго „entmöbelt“ по отношению к одушевленным лицам является удачным решением, поскольку хорошо восполняет двусмысленность, с которой играет Ольга Форш в оригинале: писатели без мебели, опустошенные тем самым не только внутренне, но и внешне.

(27) Если гадюке человек разобьет голову, а самое ее не сожжет на костре и бросит на землю, то ночью сползутся гадючьи все кумовья и сестрицы и высосут ей из тела новую голову [с. 158]

Wenn jemand einer Natter den Kopf abschlägt, sie aber nicht verbrennt, sondern achtlos auf den Boden wirft, dann kriechen nachts alle Freunde und Schwestern der Natter zusammen und saugen ihrem Körper einen neuen Kopf [с. 106].

В (27) переводчица генерализирует понятие «кум», изначально означающее «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери»²¹, до более широкого понятия из семьи слов, обозначающих межчеловеческие отношения и связи, – „Freund“ («друг»).

2. 7. Перевод реалий

2. 7. 1. Антропонимы. Топонимы. Эргонимы.

Наиболее объемный пласт реалий в романе составляют имена собственные, а именно антропонимы. Для удобства рассмотрения разделим встречающиеся антропонимы на авторские, т. е. те, которые придуманы непосредственно Ольгой Форш для персонажей «Сумасшедшего корабля», и на прецедентные имена, т. е. имена либо реальных личностей, либо персонажей иных произведений.

Все прецедентные имена в романе переводятся с помощью транскрибирования. При этом учитывается происхождение того или иного имени: французские имена передаются в их оригинальном написании, а при транскрипции русских имен переводчица следует традиции переложения кириллицы на немецкий. Так, *Мопассан* переводится как *Maupassant*, *Вайян Кутюрье* – как *Paul Vaillant-Couturier*, *Ставрогин* – *Stawrogin*, *Чичиков* – *Tschitschikow*, *Тихон Задонский* – *Tichon von Sadonsk*, *Раскольников* – *Raskolnikow* и т. д. В сравнении с иностранными прецедентными именами, имена русские переводчица чаще снабжает примечаниями.

Авторские имена можно поделить на нейтральные, т. е. те, звуковая оболочка которых не несет в себе какого-либо семантического значения, и на «говорящие», т. е. те, семантика которых прозрачна и тем или иным образом служит для характеристики героя. К первым можно отнести такие имена, как

---

²¹ <https://lexicography.online/explanatory/mas/к/кум>

Евмей Павлович – Jewmej Pawlowitsch, Феона Власьева – Feona Wlassjewna, уборщица Дарьюшка – die Putzfrau Darjuschka, Вова – Wowa и др. В таком случае Кристиана Пёльманн прибегает к той же стратегии, что и при переводе прецедентных русских имен, – к транскрибированию.

В случае же говорящих имен тактика перевода разнится. Например, имя «товарища Китова» переводчица частично калькирует, опираясь на морскую тематику, и передает в ПЯ как „Genosse Walow“. Также семантически калькируется и прозвище мальчика «Одуванчик» – „Löwenzahn“. Однако важно отметить, что в немецком языке, в отличие от русского, существует два различных обозначения для двух стадий цветения одуванчика: „Löwenzahn“ для обозначения первой, желтой стадии, и „Pusteblume“ – для стадии, когда одуванчик покрывается белым пухом. Переводческое решение можно было бы считать оправданным, если бы в оригинале не давалось описания внешности мальчика под прозвищем Одуванчик. Однако в романе по отношению к персонажу употребляется эпитет «белоголовый» [с. 23], что скорее соответствовало бы образу одуванчика в последней стадии его цветения, т. е. „Pusteblume“.

Необычным переводческим решением стала передача «Гени Чорна» как „Genja Kohlrab“. Прототипом персонажа Геня Чорн, что без труда можно вывести из имени, послужил Евгений Шварц: Форш обыгрывает фамилию немецкого происхождения („schwarz“ – «черный»). Передача выдуманной автором фамилии «Чорн» как „Schwarz“ была бы ошибкой, поскольку в таком случае потерялась бы фиктивность персонажа, на которую претендует автор. В итоге Кристиана Пёльманн транскрибирует имя «Геня» как „Genja“, а фамилию «Чорн» заменяет на „Kohlrab“. В чистом виде существительное „Kohlrab“ в словарях немецкого языка не найти, однако в DWDS включены такие существительные как „Kohlrabi“ (в переводе так же «кольраби» – разновидность овоща) и „Kohlrabe“ (дословно: «угольный ворон»). Таким образом, если Форш в оригинале деформирует написание прилагательного «черный» и превращает его в «Чорн», то Кристиана Пёльманн апокопирует

одно из названных выше существительных до „Kohlrab“. Нельзя исключать, что это могло быть словообразование от существительных, обозначающих такие овощи, как «кольраби» или «брюква», однако более очевидной ассоциацией кажется словообразование от „Kohlrabe“ – «угольный ворон».

Самым простым для перевода случаем среди говорящих имен оказался «товарищ Глобус» – „Genosse Globus“, поскольку существительное глобус имеет абсолютный эквивалент в немецком языке.

Однако не все говорящие имена были калькированы переводчицей. Некоторые, как, например, «Волосатик» – „Wolosatik“ или «Озорной» – „Osornoi“, были транскрибированы. Возможно, в данном случае Кристиана Пёльманн выбрала такую стратегию в связи с тем, что Ольга Форш не делает акцента на тех характеристиках персонажей, что отражаются в их говорящих именах.

Топонимы и микротопонимы переводятся устоявшимися в немецком языке эквивалентами. Однако если такие широко известные топонимы, как названия стран и городов (*Германия – Deutschland, Бельгия – Belgien, Ленинград – Leningrad* и др.), переводятся без каких-либо пометок, то при переводе микротопонимов Кристиана Пёльманн зачастую снабжает их примечаниями. Например, «Децкое село» (авторское написание, связанное с отражением на письме польского акцента персонажа панны Ванды) – „Detskoje Selo“ имеет следующее примечание: «Подразумевается сегодняшний Пушкин в окрестностях Петербурга, до 1918 – Царское Село, затем до 1937 – Детское Село; с 1910 по 1911 Ольга Форш давала там уроки рисования для детей»²². Снабжается примечанием и «Выборгская сторона», переведенная как „die Wyborger Seite“, и улица «Миллионная» – „Millionnaja“ и др.

Эргонимы также переводятся либо устоявшимися эквивалентами (*Эрмитаж – die Eremitage, «Мертвые души» – „die Toten Seelen“* и т. д.), либо транскрипцией, как, например, кафе «*Варшавянка*» – *Café Warschawjanka*.

---

²² „Gemeint ist das heutige Puschkin im Umland Petersburgs, bis 1918 Zarskoje Selo, dann bis 1937 Detskoje Selo; Olga Forsch hat dort von 1910 bis 1911 Kindern Zeichenunterricht gegeben“ [с. 215]

2. 7. 2. Историзмы и советизмы

В романе встречаются такие историзмы, как «буржуйка» – в переводе „Bourgeois“, «земский начальник» – „Semstwoworsitzender“ и историческая реальность-мера «верста» – „Werst“. Все три историзма даются переводчицей с примечанием.

Советизмы составляют наибольший пласт исторических реалий в романе. Стратегии их перевода, соответственно, тоже многообразны. Ниже перечислим основные тактики при переводе советизмов:

- 1) Метод подстановки, т. е. использование устоявшегося словарного перевода: *Союз – Union, колхозы – Kolchosen, коллектив – Kollektiv, культкомиссия – Kulturkommission, ВЧК – Tscheka, нэп – NÖP, комсомолец – Komsomolze,*
- 2) Калькирование: *Петроградский Совет – Petrosowjet, хозснабжение – Kolchosversorgung* (поскольку ранее переводчица уже ввела понятие *Kolchosen*, то и кальку она формирует на основе данного слова, чтобы облегчить восприятие читателям на ПЯ), *поэтхозы – Poetchosen, труджизнь – Arbeitsleben;*
- 3) Описательный, развернутый перевод: *полпред – der Bevollmächtigte Vertreter, Литотдел Наркомпроса – die Literaturabteilung des Volkskommissariats für Bildung, хознадежды – die wirtschaftlichen Hoffnungen, грядисторик – der künftige Historiker;*
- 4) Перевод с помощью функционального аналога: *зав – Abteilungsleiter;*

2. 7. 3. Игра слов. Междометия. Речевые подражания.

В романе присутствует следующий пассаж, построенный на игре слов:

(28) Разгорячившись, товарищ Китов подкидывал вверх пушистую головою и кричал на похитителя мебели:

— Где это видано?.. Где это?..

Заикался превысивший власть комендант:

— Занумерована... внесена в книги...

— Где это?.. Где это?..

И, приставив кулак к левому уху, услышала Ариоста вместо «где это?» — «Гё-те». На лице ее проступило блаженство <...> [с. 49].

Noch während er sich in Rage redete, riss Genosse Walow den flaumhaarigen Kopf hoch und schrie den Entführer der Möbel an: „Wann hat es dergleichen je gegeben? ... Wie geht das an?“

„Alles nummeriert ... ins Buch eingetragen ...“, stotterte der Hausverwalter, der seine Macht wohl doch etwas überschätzt hatte.

„Wie kann das angehen? Wie geht das?“

Ariosta hielt sich zwar eine Hand ans linke Ohr, verstand aber selbstverständlich statt „Wie geht das?“ nur „Wie Goethe“, woraufhin auf ihrem Gesicht ein glückseliger Ausdruck erschien <...> [с. 27].

Игра слов в (28) основывается на звуковом подобии вопросительного предложения «Где это?» и имени собственного «Гёте». Простой подстановкой такую игру в переводе не передать, поэтому Кристиана Пёльманн прибегает к глубинной трансформации, заменяя вопрос «Где это?» на «Как это возможно?» – „Wie geht das?“, что делает возможным звуковую игру и в ПЯ.

В романе встретилось также несколько междометий:

(29) «<...> с криком – но-но! – стал огибать клумбу» [с. 82].

„<...> stieß ebenso gebieterisch wie lautlos ein «Hü!» aus und <...>“ [с. 51].

(30) «Фу-ты! Нуты!» [с. 88]

„Ätschi, Bätschi!“ [с. 55]

(31) А бабы с подвизгом:

— Ох, старче! Ах, старче... [с. 89]

„Ach, Starez!“, quieckten die Frauen. „Ach, Starez ...“ [с. 57]

(32) «Дудки!» [с. 152]

„Damit ist jetzt Schluss!“ [с. 102]

Из четырех приведенных выше примеров только одно междометие – в (32) – переводится не эквивалентным в немецком языке междометием, а целым предложением, дословно означающим: «С этим теперь покончено!».

Наконец, в романе присутствуют подражания ломаной речи иностранцев.

(33) Татарчик с испугом отпрянул.

— Зачем моя спрашивал? Зачем пытать хотел? Моя знает, поповски лозунги нам не надо читать [с. 142].

Ein Tatarenjunge sprang sofort zurück.

„Warum fragst du mir? Warum willst foltern du mir? Ich weißt, dass nix darft Popenlosung lesen“ [с. 95].

В (33) Ольга Форш обыгрывает речь татарского мальчика, полную грамматических ошибок. Так, в оригинале вместо требуемого нормой личного местоимения «меня» в первом вопросительном предложении мы видим употребление притяжательного местоимения «моя». Это же местоимение неверно употребляется и согласовывается в последнем предложении. Кроме того, ярко выражен неестественный порядок слов. Все это в немецком языке передает переводчица: она также нарушает порядок слов, управление переходных глаголов „fragen“ и „foltern“, спряжение глаголов „wissen“ и „dürfen“, а также прибегает к использованию ненормативного регионального „nix“ вместо „nicht“.

(34) «Здесь имеется случный козел».

— Деся луцайный козел? Деся?

— Мы сли по пальцу. Луцайный козел. У нас есть коза [с. 149].

„Hier wohnt ein dienstbarer Bock!“

„Tienstbarer Pock?“, riefen sie. „Pock?“

„Wir pfolgten dem Pfinger. Ein tienstbarer Pock. Wir haben eine Tsiege“ [с. 99].

В (34) автор строит подражание уже не на грамматических ошибках, а на финском акценте, т. е. намеренно изменяет звуковую оболочку слов. Также поступает и переводчица. Прилагательное „dienstbar“ она передает с глухим согласным в начале – „tienstbar“, а существительное „Bock“ так же оглушает до „Pock“. Кроме того, Кристиана Пёльманн добавляет аффрикату /p̂ f/ к глаголу „folgen“ – „pfolgen“ – и к существительному „Finger“ – „Pfinger“. В

существительном „Ziege“, в котором по сути уже присутствует аффриката /t͡s/, переводчица эксплицирует ее в написании существительного как „Tsiege“.

(35) — Панна Ванда, проше пане, муси быть в Децком Селе и сегодня, и завтра [с. 80].

"Bittschön, proszę, die Panna Wanda", teilte sie ihm mit, "musse sein in Detskoje Selo heute und morgen" [с. 49].

В (35) мы видим высказывание персонажа польского происхождения Ядвиги. Речь Ядвиги в романе всегда отражается с польскими вкраплениями. В (35) такими являются «проше пане», что означает «пожалуйста, господин», и модальный глагол «муси» со значением вынужденности, долженствования. У Ольги Форш данные вкрапления передаются на кириллице. В немецком же переводчица передает их по-разному. Первую фразу она оставляет в оригинальном написании как „proszę“, однако для облегчения понимания читателем добавляет перед этим вкраплением немецкий эквивалент „Bittschön“, который является авторским сращением фразы „Bitte schön“ («пожалуйста»). Такое сращение позволяет передать особенность устной речи. Второе же вкрапление – «муси» (польск. „musi“) – переводчица отражает с помощью неверной формы глагола „müssen“ – „musse“.

2. 8. Выводы к главе 2

Подробный анализ 35 примеров из общего собранного в приложении корпуса показал, что в процессе перевода романа «Сумасшедший корабль» на немецкий язык Кристиана Пёльманн прибегала к использованию самых различных межъязыковых трансформаций. Все 35 примеров были сгруппированы и выделены в параграфы на основе классификации переводческих трансформаций Л. К. Латышева. Отдельным параграфом был рассмотрен перевод заглавия романа. В „Russisches Narrenschiff“ нашлись примеры на каждый выделенный Л. К. Латышевым тип трансформаций. Подтвердилось и утверждение о том, что в большинстве случаев перевод одного предложения вовлекает в себя сразу несколько трансформаций.

Замечание Л. К. Латышева относительно специфических трансформаций о том, что такие встречаются реже остальных типов [21, с. 289], оказался не применим к „Russisches Narrenschiff“. Особенно часто среди специфических трансформаций переводчица прибегала к приемам метафоризации и деметафоризации, что можно связать с упомянутыми в параграфе 2.1. особенностями романа Ольги Форш.

В отдельный параграф были вынесены встречающиеся в романе реалии и способы их передачи на ПЯ. Наиболее продуктивным методом передачи имен собственных оказалось транскрибирование. Что касается историзмов и в особенности советизмов, то здесь переводчица прибегала как к калькированию, так и к переводу функциональными аналогами или устоявшимися словарными эквивалентами, которые закрепились в ПЯ во времена ГДР. Большая часть реалий снабжена в переводе примечаниями.

Заключение

Художественный перевод, как и непосредственное написание художественного текста, подразумевает творческий процесс. Однако даже самые креативные решения строятся в первую очередь на основе базовых трансформаций, описанных теоретиками перевода. В данной работе были рассмотрены примеры того, как подобные трансформации функционируют при переводе художественного текста и какие особенности прослеживаются в их использовании Кристианой Пёльманн.

Так, в „Russisches Narrenschiff“ трансформации затрагивают почти каждое предложение, происходят на всех уровнях (морфологическом, синтаксическом, лексическом, глубинном) и комбинируются между собой. В ходе исследования было отобрано 245 выдержек из оригинала и их соответствий в немецком переводе, каждая из которых иллюстрирует определенные переводческие трансформации. В работе подробно были рассмотрены наиболее показательные для того или иного типа трансформаций 35 примеров из корпуса. Первую трансформацию – глубинную трансформацию – мы видим уже в заглавии романа. Далее на протяжении всего произведения Кристиана Пёльманн использует все описанные Л. К. Латышевым переводческие трансформации. При этом не менее продуктивными, чем категориально-морфологические, синтаксические и лексические, оказываются глубинные и специфические трансформации. Роману, как описано в параграфе 2.1, свойственна метафоричность, что обуславливает тенденцию переводчицы к использованию приемов метафоризации и деметафоризации. При рассмотрении некоторых из 35 рассмотренных пассажей, как, например, (10), (12), (14), (24), или некоторых реалий, нами были отмечены спорные моменты, открывающие возможность дискуссии.

В целом грамотно подобранные на всех уровнях трансформации позволили Кристиане Пёльманн выдержать ту «золотую середину» между чрезмерной

вольностью и буквализмом, о которой упоминалось во введении к данной работе, и сохранить в переводе индивидуальность писательского стиля Ольги Форш. Однако если за отражение авторских особенностей в переводе отвечали непосредственно трансформации, то за отражение духа времени и культурного пространства скорее были ответственны реалии, которые чаще всего переводились с помощью подстановок, т. е. транскрибировались или калькировались, а также сопровождались множеством концевых сносок.

Несмотря на то, что, как и прочтение самого романа, так и прочтение его перевода всегда остается субъективным, в практической главе мы постарались дать подробный анализ переводческих решений Кристианы Пёльманн. Разобранные 35 трансформаций и остальные не рассмотренные в работе 210 примеров из приложения могут послужить как основой для дальнейших исследований в области русско-немецкого художественного перевода, так и наглядным практическим материалом для преподавателей, студентов и переводчиков. Кроме того, особый интерес для дальнейшего исследования представляет перевод стихотворных вставок, а также перевод стихотворений в „Lygisches Geräck“ Кристианы Пёльманн, о чем уже было упомянуто в параграфе 2.1.

Список литературы

Источники материала:

1. Ольга Форш. Сумасшедший корабль. Москва: Аст Астрель. 2011
2. Olga Forsch. Russisches Narrenschiff. Aus dem Russischen übersetzt von Christiane Pöhlmann, Berlin: Die andere Bibliothek. 2019

Справочные и лексикографические источники:

3. Лейн К. Большой русско-немецкий словарь — 19-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.—Медиа, 2005
4. Николукин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий, Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам – М.: Интелвак, 2001
5. Glück H. (Hrsg.). Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart Weimar: Metzler, 5., überarbeitete und erweiterte Aufl., 2016
6. Малый академический словарь А. П. Евгеньевой <https://lexicography.online/explanatory/mas/>, дата обращения 01.06.2022
7. Онлайн-сборник русско-немецких и немецко-русских словарей, <https://academic.ru>, дата обращения 01.06.2022
8. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, <https://www.dwds.de/>, дата обращения 01.06.2022

Научная литература:

9. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб., 2004;
10. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М. – 1975
11. Богданова О. Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (На материале английского языка), автореферат, Москва – 2009
12. Борисенко А. Л. Буквализм в художественном переводе: ошибка, эксперимент, метод? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bukvalizm-v->

hudozhestvennom-perevode-oshibka-eksperiment-metod, дата обращения:
01.06.2022

13. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001
14. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе, 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. Шк., 1986;
15. Евтеев С. В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения: учеб. пособие под общ. ред. А. Л. Семенова. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; каф. нем. яз. — М.: МГИМО-Университет, 2014
16. Казакова Т. А. Художественный перевод. Спб., 2002
17. Каллер Джонатан. Теория литературы: краткое введение / Джонатан Каллер: пер. с англ. А. Георгиева. — М.: Астрель: АСТ, 2006
18. Князева Е. П. Писатель и время в романах О.Д. Форш 1920 – 1930-х годов («Современник», «Ворон», «Сумасшедший корабль»), диссертация, Саратов, 2016
19. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение, 2-е изд., испр., – М.: Р. Валент, 2011
20. Латышев Л. К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: Международные отношения, 1981
21. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005
22. Мельгунова А. В. Wortbildung in Theorie und Praxis учебные задания для студентов гуманитарных специальностей, Санкт-Петербург, 2005
23. Милашевский В. А. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019

24. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. –М.: «Р. Валент» 2007
25. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ» 2002
26. Чистобаев А. В. Творчество О. Форш 1910–1930-х гг. в контексте русской культуры начала XX века, диссертация, Санкт-Петербург, 2015
27. Чуковский К. И. Высокое искусство: Принципы художественного перевода, АЗБУКА Санкт-Петербург, 2015
28. Якобсон Роман, Лингвистика и поэтика, пер. с англ. И. А. Мельчука, в сборнике статей «Структурализм: „за“ и „против“», изд. Прогресс, Москва, 1975, с. 193–231
29. Apel Friedmar/Kopetzki Annette, Literarische Übersetzung, 2. vollständig neu bearbeitete Aufl., J. B. Metzler Verlag, 2003
30. Culler Jonathan, Literaturtheorie: Eine kurze Einführung (Reclams Universal-Bibliothek), aus dem Englischen übersetzt von Andreas Mahler, Stuttgart, 2002
31. Genette Gérard, Paratexte, übers. von Diener Hornig, Frankfurt a. M./New York. 1989
32. Koller Werner, Einführung in die Übersetzungswissenschaft, 7. aktualisierte Aufl., 2004
33. Prunč Erich, Einführung in die Translationswissenschaft, Band 1: Orientierungsrahmen, Institut für Translationswissenschaft Graz, 2. Erweiterte und verbesserte Aufl., Selbstverlag, 2002
34. Schlaffer Heinz, Der Umgang mit Literatur: Diesseits und jenseits der Lektüre, in: Poetica 31, Stuttgart, 1999

Приложение

1.	Из клочьев под его ногами выросла уже целая куча пушистого снега, и он автоматически наступал на нее то носком одного сапога, то другого [с. 30]	Am Boden hatten die Schnipsel bereits eine kleine Wehe flockigen Schnees gebildet, auf die Subaty völlig abwesend mal mit der Spitze des einen, mal mit der des anderen Stiefels trat [с. 13]
2.	Метафора заимствована у поэта, тем же, кому она викторина, поясняем, что речь идет об особом урожае чудесных по вкусу и виду апельсинов [с. 36]	Diese Metapher stammt selbstverständlich von einem Dichter, doch für alle, denen sie zu blumig ist, fügen wir die Erklärung hinzu, dass die Rede von einem besonders reichen Erntejahr in Aroma und Form ganz wunderbarer Apfelsinen ist [с. 17]
3.	В это утро комендант дома, сопровождаемый дворником, просунули оба, один за другим, головы в каждую комнату, населенную писателем, и сказали в октаву – комендант толстым голосом, дворник тонким: – Довольно, попользовалась интеллигенция. Пусть пользуется пролетариат" [с. 42]	Eines Morgens zog der Verwalter mit dem Portier im Schlepptau durch die Flure, und nacheinander steckten beide den Kopf in jedes Zimmer, in dem ein Schriftsteller einquartiert worden war, um dann mit voller Verwalterstimme und gedämpftem Portierston, säuberlich den Unterschied einer Oktave wärend, zu verkünden: "Schluss jetzt! Das utulisiert die Intelligenzija jetzt nicht länger! Das utulisiert jetzt das Proletariat!" [с. 22]
4.	Гнутая, карельской березы, красного дерева, разнообразнейших калибров, почти вся с ободранным верхом,	Geschwungene Stücke aus karelischer Birke oder Mahagoni jeder nur denkbaren Machart, die Polster längst

	пошедшим на самоприкрытие, мебель в обилии наполняла литературные комнаты [с. 42]	abmontiert und zum Stopfen aller möglichen Löcher verwendet, gab es in den Literatenstuben tatsächlich mehr als genug [с. 22]
5.	Непосредственно за отбывшей к себе головой коменданта вошли здоровые мужики с лесного склада и с такой поспешностью выгребли дотла обстановку, что писателям, склонным к ассоциациям литературным даже в свой последний смертный час, показалось, будто мебель, как в известном рассказе Мопассана, сама пешком убежала из комнат [с. 43]	Kaum hatte der Hausverwalter seinen Schädel nämlich wieder aus der Tür gezogen, traten ein paar kräftige Kerle vom Holzsammlager ein und sorgten derart rasant für ein ratzekahl ausgeräumtes Zimmer, dass unsere Schriftsteller, die mit Sicherheit selbst in ihrer allerletzten Todesstunde noch Assoziationen haben, meinten, die Möbel würden ganz wie bei Maupassant (с примечанием, далее прим.) auf eigenen Füßen aus dem Zimmer eilen [с. 22]
6.	Перед писателями предстала сплошная пустыня паркетов, на которой им оставалось сидеть на одних собственных средствах [с. 43]	Die Schriftsteller sahen sich nunmehr also einer Parkettenwüste gegenüber, in der sie fortan auf den eigenen vier oder mehr Buchstaben würden hocken müssen [с. 23]
7.	Границы полномочий были тогда — если здесь приличен атрибут божественный — безграничны [с. 44]	Bisher musste es – und dieser Vergleich mit dem Göttlichen sei erlaubt – bei allen Einrichtungen gewöhnlich heißen: Dein ist die Macht [с. 23]
8.	... земский начальник [с. 44]	... Semstwowvorsitzender (прим.) [с. 23]
9.	И благословен был товарищ Китов за «натиск и быстроту» не по ведомству [с. 44]	Und gebenedeit sei Genosse Walow für sein entschlossenes und rasches

		Handeln, das sich um Vorschriften nicht scherte [с. 23]
10.	Опустошенные писатели, покорившись без борьбы, уже было наладились, как они будут спать на многотомнейших классиках, обедать за энциклопедией или сидеть на современниках с автографом [с. 44]	Die entmöbelten Schriftsteller, die sich kampflos geschlagen gegeben hatten, malten sich bereits aus, wie sie auf Gesamtausgaben von Klassikern nächtigen, an Enzyklopädien essen oder auf zeitgenössischer Prosa mit Autorenwidmung Platz nehmen würden [с. 23–24]
11.	... из последних тенишевских гимназистов ... [с. 45]	... aus den letzten Absolventen des Tenischew-Gymnasiums (прим.) ... [с. 24]
12.	... обитатель Сумасшедшего Корабля обрастал не бытом, а книгами [с. 45]	... die Passagiere der Narratei setzten sich nicht Fett, sondern Bücher an [с. 24]
13.	Короче говоря, неистовая Ариоста своим красноречием обрушилась в <i>Госиздат</i> [с. 48]	... um es kurz zu machen: Die unbändige Ariosta fiel mit ihrer geballten Redseligkeit im Staatsverlag ein [с. 26]
14.	— Где это?.. Где это?.. И, приставив кулак к левому уху, услышала Ариоста вместо «где это?» — «Гё-те» [с. 49]	„Wie kann das angehen? Wie geht das?“ Ariosta hielt sich zwar eine Hand ans linke Ohr, verstand aber selbstverständlich statt "Wie geht das?" nur "Wie Goethe", woraufhin auf ihrem Gesicht ein glückseliger Ausdruck erschien [с. 27]
15.	Из-за мебельной эскапады прохватил всех сквозняк, и к ночи сделался жар [с. 50]	Wegen der Möbeleskapaden hatte es überall gezogen wie Hechtsuppe, zur Nacht stellte sich bei manchen Fieber ein [с. 27]

16.	Качаясь на водах, как круглая банная шайка, попавшая в громадный бассейн, комната выйдет вместе с волнами в залив, обогнет морду «собаки» и мимо Бельгии и Германии... [с. 50]	Wie ein runder Dampfbadbottich schwankt es auf den Wellen, die es in ein viel zu großes Becken tragen, von wo aus das Zimmer in den Meerbusen treibt, dann weiter, vorbei an Südnorwegen, immer weiter, gen Belgien, gen Deutschland... [с. 28]
17.	Дальше за комнату отвечать не могу. Передо мной Рю-де-Гренель и обычный полпредовский прием [с. 50–51]	Danach lässt sich über das Zimmer nichts mehr sagen, denn das Bild der Rue de Grenelle schiebt sich dazwischen. Ein ganz gewöhnlicher Empfang bei unserem Bevollmächtigten Vertreter im Ausland [с. 28]
18.	На улице переодетые французские шпики и полиция явная стерегут от своих и от наших [с. 51]	Auf der Straße getarnte französische Schnüffler und ungetarnte Polizei, die Erstere offenbar vor den eigenen Leuten ebenso beschützt wie vor unseren [с. 28]
19.	Особняк, старый помольский, лестница в мягких коврах, лакеи вверху, лакеи внизу [с. 51]	Die Botschaftsvilla ist alt, über die Treppen ziehen sich weiche Teppiche, am oberen Ende Lakaien, am unteren Ende Lakaien. [с. 28]
20.	Верхние с золотообрезным карнэ — в него вписывают поочередно фамилии и, как в опере, анонсируют [с. 51]	Die oben targa in ein Goldschnittbuch sämtliche Familiennamen der Gäste ein, die anschließend wie in der Oper ausgerufen werden [с. 28]
21.	И, повинуюсь парадному ритму лестниц и декламации анонса, будь хоть стопроцентный коммунист, как Вайян-Кутюрье, как наши торги	Dem feierlichen Stufentakt die Treppe hinauf und dem Rhythmus der Ausrufe folgen ausnahmslos alle, sei es nen ein hundertprozentiger Kommunist wie

	полпредские, — все без исключения проходят пространство от двери к колоннам не обычной своей походкой, а как лошади в цирке — гарцуя [с. 51]	Paul Vaillant-Couturier (Anm.), sei es einer unserer Handels- und Bevollmächtigten Vertreter: Sie bringen die Strecke von der Eingangstür bis zu den Säulen nicht in ihrem gewöhnlichen Gang hinter sich, sondern grazil wie Zirkuspferde [с. 29]
22.	Однако прием был в разгаре. Диваны и кресла вокруг круглого столика с прекрасно одетой и милой madame la polprode полны были дамского щебета [с. 51]	Irgendwann war der Empfang in vollem Gange. Von den Diwanen und Sesseln rund um den kleinen runden Tisch mit der ebenso liebreizenden wie prachtvoll gekleideten "Madame la Bevollmechtigte" erhob sich das Gezwitscher der Damen [с. 29]
23.	Фраки же, пиджаки и толстовки разбились кучками от одних широких окон до других [с. 51]	Zwischen den breiten Festern reihten sich Gruppen von Fracks, Jacketts und Tolstoihemden [с. 29]
24.	В женском кругу и феминистки, и журналистки, но больше всего просто жены своих знаменитых мужей. Ну, словом, сама и жена <i>Сама и жена</i> — не весь ли женский вопрос в двух словах? [с. 52]	Unter den Frauen gab es Feministinnen und Journalistinen, bei den meisten handelte es sich jedoch schlicht und ergreifend um Gattinnen namhafter Männer. Das alte Spiel also von der Frau als Frau versus der Frau als Gattin. <i>Gattin</i> und <i>Frau</i> – liegt in diesen beiden Worten nicht die gesamte Frauenfrage? [с. 29–30]
25.	Он сейчас пишет книгу о вашем Союзе [с. 53]	Gerade schreibt er ein Buch über Ihre Union [с. 30]

26.	Уверяю вас, он гораздо значительнее Корюса [с. 53]	Ich versichere Ihnen, er ist wesentlich bedeutender als Corus (прим.) [с. 30]
27.	В кучке писателей выделялся Копан — короткий, коренастый, ярких цветов, чертоват. И не только из-за волос, начесанных, как у провинциального Мефистофеля, закорючками на виски, а всей своею коварной повадкой [с. 53–54]	In dem Häufchen von Schriftstellern nahm sich ein gewisser Copan geradezu fremd aus, ein stämmiger knorriger Mann. Ein wenig teuflisch, dabei jedoch ein greller Farbfleck, das ungekämmte Haar wie bei einem Provinzimephistopheles mit Kringeln an den Schläfen zurechtfertigt, eine Erscheinung mit völlig unberechenbaren Gepflogenheiten [с. 30–31]
28.	Сказать — французский Ставрогин перед тем, как ему взять за нос губернатора и провести через зал [с. 54]	Ein französischer Stawrogin, sozusagen, der den Gouverneur gleich bei der Nase packen und ihn durch den ganzen Raum schleifen würde. (прим.) [с. 31]
29.	Он улыбается нарочито вдруг, совсем будто щелкун, перед тем как ему кракнуть орех [с. 54]	Er lächelte absichtlich wie auf Knopfdruck, der reinste Nussknacker, der sich jederzeit bereitwillig an sein Werk machen würde [с. 31]
30.	Когда он делал турне по Союзу, он у нас в Ленинграде был как-то умнее и проще [с. 55]	Damals, während seiner Tour durch die Union, hatte er bei uns in Leningrad noch einen irgendwie klügeren und ungekünstelteren Eindruck hinterlassen [с. 32]
31.	Даже на поэта Озорного смотрел без всякой позы, отечески сочувствуя его намерению, от которого ... [с. 56]	Unseren Dichter Osornoi betrachtete er mit so aufrichtigem väterlichen Mitgefühl ... [с. 32]

32.	Кой-кому на приеме французы предложили билеты на посещение торжественного заседания в Сорбонне по случаю rentvee de l'Academie — открытия зимнего сезона наук [с. 57]	Auf dem Empfang beim Bevollmächtigten bot man einigen von uns Eintrittskarten für die feierliche Sitzung in der Sorbonne an, mit der die rentreé de l'Academie begangen wurde, der Beginn des Wintersemesters. [с. 33]
33.	От древних времен в Сорбонне уцелела одна шепель XIII века с реставрацией в XVII на средства герцога Ришелье — того самого, которого все одесситы почитают «своим» [с. 57]	Von der alten Sorbonne ist lediglich eine Kapelle aus dem 13. Jahrhundert erhalten geblieben, die im 17. Jahrhundert mit Mitteln des Herzogs Richelieu restauriert wurde — ebenjenem, den alle Odessiten für den ihren halten (прим.) [с. 33]
34.	Этот герцог в Одессе стоит на бульваре, как символ весенних свиданий; к нему же, вместо черта, отсылают друг друга торговки: «А ну тебя к дюку...» [с. 57]	Dieser Herzog steht in Odessa auf einem Boulevard, gleichsam als Inbegriff aller Stelldicheins im Frühling. Die Marktfrauen wünschen sich dagegen nicht gegenseitig zum Teufel, sondern geradewegs zu ihm: "Zum Duc mit dir..." [с. 33]
35.	Вспомнился наш Эрмитаж и там Зурбаран с тяжким бархатом золотом шитых одежд, с орудиями пыток и демонской святостью испанцев [с. 58]	Man muss sofort an die Eremitage denken, genauer an Zurbarán, an die schweren, goldbesteckten Samtgewänder, die Folterwerkzeuge und die dämonische Heiligkeit der Spanier [с. 34]
36.	... под нее можно тут пойти в пляс [с.58]	... am liebsten hätten wir gleich das Tanzbein geschwungen [с. 34]
37.	Ректор Сорбонны, в окружении средневековья, выдавал дипломы	Im Kreise dieses Mittelalters teilte der Rektor der Sorbonne die Diplome an

	другим старичкам, пока еще простым фрачникам [с. 58]	weitere Greise aus, die bisher noch im schlichten Frack dastanden [с. 34]
38.	Они, прослезившись от умиления и старости, накланявшись во все стороны, прошествовали на места, приложив по платочку к глазам [с. 59]	Alter und Ergriffenheit ließen diesen die Tränen nur so schießen. Nach etlichen Verbeugungen zu allen Seiten schritten sie zu ihren Plätzen, wobei sie sich wieder und wieder ein Taschentuch vor die Augen pressten [с. 34]
39.	У русских было смущение от невинности европейцев, совершенно невообразимой для насмешливости нашей природы, к тому же приперченной Достоевщиной [с. 59]	Wir Russen wissen nicht recht, was von dieser Naivität der Europäer zu halten ist. Sie vereinbert sich nicht mit der Spottlust unseres Naturells, die noch dazu mit einer Prise Dostojewski gewürzt ist [с. 34]
40.	Однако мы не возьмемся так уж просто сказать — перерост ли именно у нас в этой области чувств или, напротив, от зашибленности историей, недорост [с. 59]	Doch wer wollte entscheiden, ob wir im emotionalen Bereich über– oder nach all den historischen Blessuren eher unterentwickelt sind? [с. 35]
41.	Он [а твор] боится, чтобы, как в «дедке за репку», не впасть в дурную бесконечность. [с. 59–60]	Sie [Autorin] fürchtet vom Hölzchen aufs Stöckchen zu kommen und damit in einen nie endenden Kreislauf zu geraten [с. 35]
42.	— Только не опоздайте! Я знаю — русские способны опоздать на целых десять минут. Я раз был на званом обеде с русским, он заставил себя ждать и даже... даже не был в отчаянии, что опоздал [с. 60]	„Seid ja pünktlich!“, schärfte er uns wieder und wieder ein. „Ich weiß ihr Russen es fertigbringt, euch sogar zehn Minuten zu verspäten. Ich wollte einmal mit einem Russen zu Empfang. Der Mann hat mich ewig warten lassen – und

		es war ihm noch nicht einmal peinlich“ [с. 35]
43.	Высоко с помоста, намного больше натуры, привычно шурился портрет Ильича [с. 61]	Von einem Podium aus schaute uns Iljitsch an, etwas größer als in Natur, und in alter Gewohnheit mit leicht zusammengekniffen Augen [с. 36]
44.	И вправду ли, нет ли, но зашептали ряды его имя, то самое, при звуке которого на большой киевской площади врассыпную шарахались кони, бросали люди товар, а перекупки, укрывшись в подвалах, аж на самую голову задирали свои спідниці [с. 62]	Ein Name wurde geflüstert, mochte er nun stimmen oder nicht. Jener Name, der auf dem großen Kiewer Platz die Pferde zum Scheuen brachte, der die Händler von ihren Marktständen vertrieb und selbst die Hehler in die Keller jagte, wo sie nichts mehr hören und sehen wollten [с. 36]
45.	Словом, имя то было — батько Махно [с. 62]	Kurzum, man raunte vom Väterchen Machno [с. 36]
46.	В довершение необычности впечатления — француженка, корректор французской газеты, сказала, что он на днях был у них в редакции и очень настаивал на прибавке особой заметки к злободневному процессу убийства Петлюры [с. 62]	Die Krone setzte dem Ganzen eine Französin auf, Korrektorin bei einer französischen Zeitung, die uns anvertraute, er sei neulich bei ihnen in der Redaktion gewesen und habe hartnäckig darauf bestanden, den Artikel zum Mordprozess im Fall Petljura (прим.) zu ergänzen [с. 37]
47.	Они разбирали «Мертвые души» с социальным подходом и уже окончательной непричастностью к гнилым навыкам старого быта [с. 63]	Dort nahmen sie gerade die Toten Seelen unter soziologischen Gesichtspunkten durch. Diese Knirpse wussten bereits nichts mehr von den dekadenten Gepflogenheiten der Menschen aus früherer Zeit [с. 37]

48.	— Ну, кто, по-твоему, будет Чичиков? [с. 63]	„Was meinst du? Was war dieser Tschitschikow für einer?“ [с. 37]
49.	— А черт его знает кто. Ты знаешь? [с. 63]	Keine Ahnung! Weißt du das etwa?" [с. 37]
50.	— Я знаю. Чичиков был инвалид. Он то и дело звал Петрушку себе снять сапоги [с. 63]	"Klar! Tschitschikow war Invalide, deshalb hat er ja auch immer diesen Petruschka gerufen, damit der ihm die Stiefel auszieht" [с. 37]
51.	В альковчиках мавританского стиля укрывались влюбленные парочки или высыпались беспризорные писатели, провинциалы, еще не включенные в Сумасшедший Корабль [с. 64]	In den Alkoven mauretanischen Stils turtelten verliebte Pärchen, teils nächtigten darin auch obdachlose Schriftsteller, meist aus der Provinz, die auf der Narretei noch keine Kajüte erhalten hatten [с. 38]
52.	— Кто со мной может спорить! Я жил на старом Афоне целый год. У Тихона Задонского... У Плотина... [с. 66]	„Was fällt ihm ein, mit mir zu streiten?! Ein Jahr habe ich auf dem alten Berg Athos gelebt! Außerdem bei Tichon von Sadonsk! (прим.) ... Bei Plotin! (прим.) ...“ [с. 39]
53.	— Человек рождается с Фаворскими кругами внутри... По кругам этим воля должна взлетать все выше... вот основное в художественной элевациит [с. 66]	"Der Mensch trägt bereits bei seiner Geburt die Tabor-Kreise (прим.) in sich", raunte er und winkte nur noch matt mit der Hand ab. "Diesen Kreisen folgend steigt der Wille in immer größere Höhen auf... Aus ebendiesem Grund kommt es zur Elevation in der Kust. ..." [с. 39]
54.	... полемизировал с ерофеевской бывшей челядью [с. 66]	... disputierte mit der einstigen Jerofejew`schen Dienerschaft [с. 39]

55.	Вызывая их к жизни и обставившись еретиками, как Дон Кихот ветряными мельницами, с вдохновенным лицом пророка Акович их разбивал шаг за шагом ортодоксальнейшим Афанасием Великим [с. 67]	Von diesen Häretikern umgeben wie Don Quichotte von seinen Windmühlen, nahm Akowitsch sie Schritt für Schritt wieder auseinander, indem er ihnen mit verzückter Miene Athanasius den Großen entgegenhielt, einen ultraorthodoxen Mann [с. 40]
56.	... как описанный Гончаровым слуга Валентин: чем непонятнее, тем чувствительней [с. 67]	... wie bei Gontscharows Diener Valentin: je unverständlicher, desto ergreifender (прим.) [с. 40]
57.	— Осипнете, Якович. [с. 68]	"Sie sind schon ganz heiser, Jakowitsch!" [с. 41]
58.	В грядущих колхозах он предположил внедрить поэтхозы, где творческий дар — величина вот-вот математически на учете — приспособлена будет для движения тракторов, причем творцам предоставлена будет наивысшая радость петь, как «певец» у Шиллера, только о чем запоеется и только потому, что им невозможно не петь [с. 68–69]	Er wollte in den Kolchosen der Zukunft Poetchosen integrieren, in denen die Kreativität – für ihn im Grunde eine mathematisch berechenbare Größe – Traktoren antrieben würde und alle kreativen Köpfe in den Genuss jener höchsten Freude kämen, wie Schillers Sänger in einem fort zu singen, schlicht weil zu singen genug gäbe und es ihnen schier unmöglich wäre, nicht zu singen [с. 41]
59.	... привязался за эти его барские, как почитал он, замашки [с. 72]	... hielt das für besonders feine Herrschaftsart [с. 43]
60.	На диванчике, плечом к плечу, как на плетне воробьишки, оседал целый выводок из школы ритма или просто сов- и пишбарышни [с. 72]	Ansonsten saßen auf dem schmalen Diwan Schulter an Schulter wie die Spatzen auf dem Flechtzaun Teilnehmer aus der Rhythmusschule oder aus dem

		Studio (прим.) oder einfach irgendwelche Tippmamsells [с. 44]
61.	Завистницы говорили, что здесь назревало умыкание одного поэта одной грузинской княжной и поэтессой [с. 72]	Manch neidisches Freuenzimmer munkelte daher, ebenhier habe sich der Raub des Dichters angebahnt, zu dem sich später eine georgische Fürstin und Poetesse verstiegen habe. (прим.) [с. 44]
62.	... и немецкие военные чины ворон уже ели [с. 73]	Deustche Offiziere hätten bereits Krähen gegessen [с. 44]
63.	И вместе с тем именно в эти годы, как на краю вулкана богатейшие виноградники, цвели люди своим лучшим цветом [с. 73]	Gleichzeitig erstrahlten in diesen Jahren die Menschen durchweg in ihrem hellsten Licht, ganz wie am Rand eines Vulkans die prächtigsten Weingärten gedeihen [с. 45]
64.	... с картины Иванова, который значится под авторской ремаркой «Сомневающийся [с. 74]	... in einem Gemälde Iwanows, den der Künstler selbst als "Zweifler" ausgewiesen hatte [с. 45]
65.	Однако хохот его, остроумие, щедрость «гуляки праздного» в растрате творческих сил был только «прием», а слушатель — только «опытное поле» [с. 74]	Sein Lachen jedoch, sein Esprit, seine Generosität beim Verprassen kreativer Kraft war lediglich ein Verfahren, während der Zuhörer für ihn ein willkommenes Experementierfeld abgab [с. 45]
66.	Умный человек, аналитик, и по тому, как он взвесил свои все возможности, чтобы состричь с них побольше купонов, — аптекарь [с. 75]	Ein intelligenter Mann, ein Analytiker, aber auch ein Apotheker, der seine Optionen stets penibel abwog, damit er am Ende ein Maximum an Lebensmittelkarten in Händen hielt [с. 46]

67.	Но в те дни обнажены были и у него если не все мысли, как у других, то хоть игра лица [с. 75]	Doch in jenen Tagen ließ sich allen von der Stirn ablesen, was sie dachten, auch ihm, denn zumindest in groben Zügen verriet ihn seine Mimik [с. 46]
68.	... в этаже верхнем царила самодержавно Феона Власьевна [с. 78]	... herrschte im oberen Stockwerk die Absolutistin Feona Wlassjewna [с. 48]
69.	В ее комнате был с лампадкой киот, под часами вожди, на постели кружевной пододеяльник [с. 78]	In ihrem Zimmer stand ein Ikonenschränkchen mit Ewigem Licht, unter der Uhr hingen die Revolütinsführer, auf dem Bett lag eine Spitzendecke [с. 48]
70.	... а сплошную старорежимную говяжью вырезку первый сорт [с. 78]	... sondern durch und durch altmodische Rinderfilets erster Güteklasse [с. 48]
71.	Евмей же Павлович, как все узнали доподлинно, из Сумасшедшего Корабля выехал не по собственной воле, а вполне принудительно и прямехонько в узилище, ибо проел на первосортной вырезке все доверенные его частной починке часы [с. 79]	Jewmej Pawlowitsch hatte die Narretei selbstverständlich nicht aus eigenem Antrieb verlassen, das wussten alle, sondern nolens volens und noch dazu direktenwegs hinter Gitter, hatte er doch ausgerechnet die ihm unter der Hand zur Reparatur anvertrauten Uhren in seine erstklassigen Rinderfiletz umgemünzt [с. 48]
72.	Между тем Сохатому обещан был зав [с. 80]	Sochaty hatte man immerhin den Posten eines Abteilungsleiters in Aussicht gestellt [с. 49]
73.	— Панна Ванда, проше пане, муси быть в Децком Селе и сегодня, и завтра [с. 80]	"Bittschön, proszę, die Panna Wanda", teilte sie ihm mit, "musse sein in Detskoje Selo (прим.) heute und morgen" [с. 49]

74.	... на одну из дач Мейеров [с. 80]	... – in einer der Meyer-Datschen [с. 49]
75.	«Молочницы выделяются в хвост» — прочел Сохатый в Детском первую строчку только что вывешенного плаката и развеселился. Но малограмотные бидонщицы, не поняв, плюнули и ругнули советскую власть за похабство [с. 81]	Milchfrauen sollen sich nicht anstellen! las Sochaty vor Ort auf einem frisch aufgehängten Plakat. Er schmunzelte. Hatte mal wieder jemand "sollen" und "brauchen" verwechselt. Die angesprochenen Händlerinnen begriffen die Verwechslung allerdings nicht einmal und fanden die Worte gar nicht lustig [с. 50]
76.	Там по тропке пешком еще версты две к Епимаху [с. 84]	Von dort aus führte ein Pfad von rund zwei Werst (Anm.) zu Epimachus [с. 52]
77.	Остался в памяти анонс расширенного заседания пленума Петроградского Совета, как в тот год еще писалось, полным титулом, Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов: «Доклад комиссии помощи голодающим. Трамвай обеспечен в оба конца» [с. 173]	Im Gedächtnis geblieben ist auch eine Anzeige für die erweiterte Plenarsitzung des Petrograder Sowjets – er war in jenen Jahren noch nicht zum Petrosowjet verknüpft worden – der Deputierten aus Arbeitern, Bauern und Rotarmisten. "Vortrag der Kommission zur Hilfe der Hungerleidenden. Die Straßenbahn fährt jetzt in beide Richtungen" [с. 117]
78.	Литотдел Наркомпроса определил за лучшую поэму <i>один миллион</i> . [с. 174]	Die Literaturabteilung des Volkskommissariats für Bildung hatte eine Million für das beste Poem ausgeschrieben [с. 118]
79.	Грядисторик скажет, конечно, на ином, нам еще неведомом языке, но по смыслу приблизительно так: «В начале XX века расцвет	Der künftige Historiker wird dann natürlich in einer uns bislang noch unbekanntem Sprache sinngemäß Folgendes behaupten: "Zu Beginn des

	индивидуализма был так велик, что властям заступаться приходилось уже не за людей, не даже за животных, в интересах сохранения их лица и характера, а лишь только за предметы неодушевленные» [с. 174–175]	20. Jahrhunderts war der Individualismus zu seiner vollen Blüte gelangt, weshalb der Schutz von Körper und Charakter zur obersten Pflicht aller offiziellen Organe gehörte und sich nicht nur auf Menschen erstreckte, sondern auch auf Tiere und unbelebte Objekte" [с. 118]
80.	... ну что ни тронь... хоть социализацию нархозяйства... [с. 175]	Nimm den Bereich, der dir am besten gefällt ... Allein die Vergesellschaftung der Volkswirtschaft ... [с. 119]
81.	Кто не ест, кто не пьет, Менолит стрегет? Профессор Кулик! Кулика тра-та-та... Едут комары [с. 192]	Wer wacht am Minolit, Speis wie Trank nie kriegt? Das ist Doktor Schnepf! Den Schnepf schmatzschleckjamjam ... Putzen Schnacken weg! [с. 131]
82.	Темперамент чистый, сильный, полный страсти, без свидригайловского «бобка» разложения, он в русской литературе встал во весь рост по праву художника [с. 195]	Als klarer und starker Charakter, als Mann voller Leidenschaft, der jedoch nicht die innere Zerrissenheit Swidrigailows zeigte, erlangte er in der russischen Literatur mit dem Recht des Künstlers seine volle Größe (прим.) [с. 133]
83.	Прежде всего, здоровенные яблоки. Определенно антоновка. [с.115]	Das sind schon große Äpfel. Mit Sicherheit Antonowkas [с. 75]
84.	Эта Сонька Ноган, распропагандированная культкомиссией, став гражданкой и перейдя на честную труджизнь, сочла долгом сообщить в ВЧК, что у	Diese Sonka Nogan hatte sich dank entsprechender Agitation durch die Kulturkommission in eine brave Bürgerin verwandelt und ein ehrliches Arbeitsleben begonnen. Nun hilet sie es

	одного из ее бывших гостей на подштанниках была графская корона [с. 179]	für ihre Pflicht, der Tscheka davon zu machen, dass auf der Unterhose eines ihrer alten Kavaliers eine Grafenkrone prangte [с. 121–122]
85.	ВЧК приказала Соньке Ноган принести ей поличные с графской короной [с. 179]	Die Tscheka wies Sonka Nogan an, das Corpus delicti mit der Grafenkrone herbeizuschaffen [с. 122]
86.	Уж такая планида, что вам... [с. 83]	Deshalb können wir von Glück sagen, dass Sie ... [с. 52]
87.	Видать, это перст [с. 83]	Muss ein Wink vom Schicksal sein [с. 51]
88.	А у старца назначено трем [с. 83]	Beim Batjuschka, also beim Starez (прим.), um ganz genau zu sein, sind wir aber zu dritt angekündigt [с. 52]
89.	Мы с Феонушкой нынче ведь к батюшке Епимаху надумали. [с. 83]	Feonuschka und ich, wir wollen nämlich zum Batjuschka Epimachus [с. 52]
90.	— Собери, девушка, думки. Если на кого зло держишь в сердце своем, отпусти. Как ожжет Епимах огнем старческим, в тебя ж твоя злоба вгрызется, исполнению желания поперечит [с. 84]	„Samme deine Gedanken, Mädchen!“, instruierte Feona Wlassjewna unterwegs Darjuschka. „Wenn du Zorn auf jemanden in deinem Herzen trägst, dann vergib diesem Jemand jetzt. Denn wenn Epimachus erst einmal sein Starezenfeuer entzündet, dann wendet sich die Bosheit in dir gegen dich selbst, und das verhindert, dass dein Wunsch in Erfüllung geht“ [с. 52]
91.	сучку свою Бровку [с. 85]	ihre kleine Hündin Browka [с. 53]
92.	Пришли. У старца горница чистая, не потайная [с. 88]	Sie erreichten ihr Ziel. Der Starez hatte eine saubere, offene Stube [с. 55]

93.	Ни он мертвая церковь, ни он против изъятия ценностей. Что ему хорониться? [с. 88]	Was sollte er verheimlichen? Er behauptete nicht, die Kirche sei tot, hatte aber auch nichts gegen die Konfiszierung von Wertegenständen einzuwenden [с. 55–56]
94.	Он в огородной артели. Сам овощ всякую садит, поливает, собирает, весь год овощью сыт [с. 88]	Außerdem hatte er sich der Gemüsegartengenossenschaft angeschlossen, baute allerlei Gemüse an, goss und erntete es, da war er das Jahr über satt [с. 56]
95.	Бабы ж к нему ходят как к лекарю, потому что он старинного времени фельдшер и порошки у него есть от всего мужского и от всего женского [с. 88]	Frauen vom Dorf suchten ihn als Heilkundigen auf, weil er in alter Zeit Feldscher gewesen war und Pülverchen gegen jedes Wehwehchen bei Mann und Weib besaß. [с. 56]
96.	Висит у старца над столом большой Совнарком, еще тот, двадцатого года, что за восемь миллионов вычета выдавали совслужащим, висит в уголочке Казанская [с. 88]	Beim Starez hing über dem Tisch ein riesiges Plakat vom Rat der Volkskommissare, die Variante von 1920, die gegen einen Lohnabzug von acht Millionen an sämtliche Statsbedienstete ausgegeben worden war, sowie in einer Ecke eine Ikone mit der Gottemutter von Kasan [с. 56]
97.	Добровольницы-уборщицы стирают, крестясь, пыль с обоев [с. 88]	Die freiwilligen Putzfrauen entstaubten unter ständigen Bekräftigungen beides [с. 56]
98.	Бабы в горнице сила. Бабы, как известно, лечиться охотницы, особенно если заодно с пузырьком лекарь и слова знает [с. 89]	Und Frauen zog es geradezu magisch in diese Stube. Und sie ließen sich ja nur zu gern heilen, vor allem wenn sich ein

		Arzt neben Tinkturen auch auf das rechte Wort verstand [с. 56]
99.	На помосте над бабами Епимаха видать от пупочка [с. 89]	Epimachus stand vorm Haus und ragte mit dem Oberkörper über der Brüstung auf, ein Gebieter über die versammelten Frauen [с. 56]
100.	Малую толику слово божье и сейчас же по профессии — про целебные травы, про хворости. Бородой седой направо, налево — таки ли, мол? Без омману? [с. 89]	Der Starez hüpfte in einem fort vom Gotteswort zur heilkundlichen Profession samt Kräutern und Gebrechen. Der greue Bart schoss dabei je nach rechts und links: Und? Wer braucht nun was? [с. 56]
101.	Кривой глазом закружит, вихрастый космы взметнет и загуркает: — Го-го! старче, го-го! Без омману. А бабы с подвизгом: — Ох, старче! Ах, старче... [с. 89]	Einauge verdrehte sein verbliebenes Sehorgan. „Oho, unser Starez“, schnatterte die Gans und fuhr sich durchs zerzauste Haar. "Die wissen schon alle, was sie brauchen!" „Ach, Starez!“ quieckten die Frauen. „Ach, Starez ...“ [с. 56–57]
102.	Расслои народ, Савушка! [с. 90]	„Sawuschka, klassifiziere das Volk“ [с. 57]
103.	Дело наживное! [с. 129]	Verdient hätte sie es [с. 85]
104.	Талейран свою карьеру отложил, но ... [с. 130]	Talleyrand musste seine Karriere vorübergehend auf Eis legen, doch ... [с. 86]
105.	Умирая [с. 130]	Noch auf dem Sterbebett ... [с. 86]
106.	Захлебываясь от быстроты белой пеной, она, ворча, ворочала крупные	Die reißende Strömung ließ ihn weiß schäumen. Krachend toste er über große

	камни, и после такого дождя, какой здесь был вчера, в ней было, конечно, купаться нельзя [с. 131]	Steine hinweg. Nach dem heftigen Regen, den es gestern gegeben hatte, war es heute selbstverständlich verboten, in ihm zu baden [с. 86–87]
107.	— У нас в горах зубоскалов не любят [с. 133]	„Bei uns in den Bergen mag man keine Honigkuchenpferde“, antwortete ein alter Mann [с. 88]
108.	Вот и памятник заслужили, вот и слава. Avis честолубцам. И лови миг, немудрящие жизнелюбцы [с. 134]	Dazu also führen Ruhm und steinerne Ehre. Allen, die noch hinauswollen, daher nebenbei zur Kenntnisnahme: Schlichte Gemüter, die sich des Lebens erfreuen, nutzen den Augenblick! [с. 89]
109.	Восхищаясь победителями «бутылочных горл» и их половинами, автор увидел в темной расщелине между двух скал в глубокой задумчивости Барб Кайе [с. 135]	Die Autorin, noch ganz begeistert von den Wettkampfsiegern und ihren besseren Hälften, erspähte nun in einer dunklen Spalte zwischen zwei Felsen Barbe Cayeux, die tief in Gedanken versunken war [с. 89]
110.	— Я так и думала, что этот Тома все наврал, — сказала она до странности без возмущения, с бледной улыбкой [с. 135]	„Ich habe mir schon gedacht, dass Thomas lügt wie gedruckt“, gestand sie in sonderbarer Gefasstheit und mit einem fahlen Lächeln [с. 89]
111.	Кроме работы в Мастерской слова над превращением писателей потенциальных в гонорарные, как знающий польский язык Сохатый набрал уроков в одной польской школе [с. 136–137]	Neben der Arbeit in der Wortwerkstatt zur Umwandlung von potenziellen Schriftstellern in bezahlte gab Sochaty, der betreffenden Sprache kundig, Stunden in einer polnischen Schule [с. 90]
112.	От нее узнавали девочки, что коммунистам лгать не грех, а «добры	Von ihr erfuhren die Mädchen, dass es keine Sünde sei, im Kommunismus zu

	учинек», что ладанку от матки бозки ченстоховской ни за что снять нельзя, потому что гореть будешь в пекле не только сама, а сведешь туда дедов и родителей [с. 137]	lügen, und eine brave Schülerin das Amulett vom Gottesmutterchen aus Tschenstochau „nicht ablegen mecht, weil es sonst nämlich nicht nur selbst in der Hölle schmoren tät, sondern auch alle Großväter und Mamachen und Papachen darin lichterloh brennen täten“ [с. 91]
113.	Но учительницы, молодые, веселые, такие же польки и только недавние комсомолки, с каждым днем соблазняли в новую веру сильней, чем удерживала в вере старой Генриетта [с. 138]	Da die Lehrerinnen junge und lustige Frauen waren, zudem ebenfalls Polinnen und frisch gebackene Komsomolzinnen, verführten sie die Mädchen mit jedem Tag stärker zum neuen Glauben, während es für Henriette immer schwieriger wurde, wie an den alten zu binden [с. 92]
114.	При одном взгляде на Ядвигу, через которую влюбленный взор Сохатого прозревал панну Ванду, бедняк терялся до потери речи. Оставшись с ним наедине, Ядвига наконец вышла из себя и спросила: «Чи я вас угрызу?» [с. 141]	Sochaty brauchte Jadwiga bloß anzusehen, schon gaukelte ihm sein verliebter Blick Panna Wanda vor, und er büßte die Redegabe ein. Als die beiden einmal allein waren, platzte Jadwiga der Kragen. „Hätt‘ ich Sie vielleicht gebissen?“ [с. 94]
115.	Ядвига вспыхнула, побледнела и голосом, выдававшим страх и волнение, вскрикнула: — Пан есть дурак! Никакой Ванды среди моих сестер нет. Товажиц,	Jadwiga explodierte erst, wurde dann kreidebleich und mit einer Stimme voller Angst und Erregung schrie sie: „Der Pan ist win schener Dummkopf! Eine Wanda, die gehört bestimmt nicht zu meinen Schwestern! Den Genossen

	певне, обманут сходством... [с. 141–142]	mecht die Ehnlichkeit getäuscht haben...“ [с. 94]
116.	У сфинксов Сохатый любил посидеть, помечтать [с. 142]	Sochaty saß und träumte gern bei den Sphingen (прим.) [с. 94]
117.	Татарчик с испугом отпрянул. — Зачем моя спрашивал? Зачем пытаться хотел? Моя знает, поповски лозунги нам не надо читать [с. 142]	Ein Tatarenjunge sprang sofort zurück. „Warum fragst du mir? Warum willst foltern du mir? Ich weißt, dass nix darft Popenlosung lesen“ [с. 95]
118.	Маленький боялся. — Моя не хочет читать поповски лозунги. Эти теткы поповски шапки на голова носят [с. 143]	Doch die Angst des Kleinen verschwand nicht. “Ich nix darft Popenlosung lesen. Diese Tanten tragt Popenmütze auf Kopf“ [с. 95]
119.	Маленький запоздало обиделся и прервал: — Моя тоже знает. Ленин вуз десяти лет кончил. Наша десять лет первая ступень, а он, скажешь, вуз не может? [с. 143]	„Das weiß ich auch“, maulte der Kleine mit verspäteter Beleidigung. „Lenin Universität zu Ende gemacht mit zehn Jahren. Wir sind zehn Jahre mit erste Stufe, da er Uni gemacht mit...“ [с. 95]
120.	На невинные мозги татарчат обрушились все двадцать веков чуждых культур, и у них под черепами была суматоха, как весной на их теплом море, когда идет там с заскоком камса, ошалев от весенней игры [с.144]	Auf die unschuldigen Hirne dieser Tatarenschar waren mit einem Schlag zwanzig Jahrhunderte samt ihrer fremden Kulturen eingestürzt. (Anm.) Unter ihren Schädeldecken herrschte nunmehr ein Gewimmel wie im Frühling an ihrem warmen Meer, wenn dort eine übergeschnappte Sardelle das Wasser verlässt, um sich am Strand zu vergnügen [с. 96]

121.	Юный Жуканец сидел в центре комнаты на полу с малышом в руках [с. 147]	Der junge Shukanez saß mit einem Malstock in der Hand mitten im Raum auf dem Fußboden [с. 98]
122.	— Рога! Хвост! Тяни морду... Не свинья, чай, козел [с. 147]	“Hörner! Schwanz!“, donnerte Shukanez. „Die Schnauze länger .... Du sollst kein Schwein malen, sondern einen Ziegenbock!“ [с. 98]
123.	Айда, недомерки! [с. 148]	Auf geht's, Knirpse! [с. 99]
124.	Фифина, к удивлению соглядатаев-недомерков, любезно впустила чухонцев одного, и другого, и третьего [с. 149]	Zur unsagbaren Verwunderung der gaffenden Knirpse bat Fifina die Männer nacheinander in ihr Zimmer [с. 100]
125.	— Передайте благодарность товарищу Жуканцу. Он, конечно, нам сделал большую приятность деревенскими продуктами [с. 150]	“Übermittelt dem Genossen Schukanez meine Dankbarkeit. Er hat uns eine große Wohltat erwiesen, und wir wissen die Produkte vom Land zu schätzen.“ [с. 100]
126.	Федосеич создавал этому козлу, опасаясь, что как частный козел, не ровен час, он товар контрабандный, практику одной устной молвой, без объявлений [с. 150]	Für diesen warb Fedossejtsch jedoch ausnahmslos mit Mundpropaganda, verzichtete also auf jeden Anschlag, schließlich ist Vorsicht die Mutter der Porzellankiste: Nicht, dass sein Tier als privater Bock am Ende zur Schmuggelware erklärt wurde [с. 100]
127.	— Понимать пора несоответствие тем блага личного и блага общего... и плюнь, брат, на методы Владимира Соловьева. С идеализацией объекта из лужи не вылезешь. Прими, как я, метод противоположный —	“Allmählich sollte auch dir klar sein, dass dein persönliches Wohlergehen und das der Allgemeinheit inkompatibel sind... Vergiss endlich die Methoden Wladimir Solowjows! (Anm.) Die Idelaisierung des Objekts löst dein

	<p>плюрализм Дон Жуана. Меня, брат, при этом методе никакой фифинище не замухрить... [с. 151]</p>	<p>Dilemma nicht. Nimm dir stattdessen ein Beispiel an mir und bediene die der entgegengesetzten Methode, nämlich des Pluralismus eines Don Juan. Ich habe es allein dieser Methode zu verdanken, dass mich jede Fifenerei kalt lässt..." [с. 101]</p>
128.	<p>— Заткнись с своей гнилью, — сказал Жуканец. — Старые дрожжи в тебе закипели от проклятой этой улицы. Тут вот на Вознесенском, да еще на Сенной, сколько кооперативов ни лепи, достоевщины не выкуришь [с. 151]</p>	<p>“Komm mir nicht mit diesem Mist!”, sagte Schukanez. “Das ist nur diese verdammte Straße, die bringt die alte Hefe in dir noch einmal zum Gären, denn hier im Wosnessenski Prospekt oder auch am Heumarkt, da kannst du noch so viele Kooperativen einrichten, den Dostojewski wirst du trotzdem nicht vertreiben! [с. 101]</p>
129.	<p>Я давно наблюдаю, как сюда попаду, с интеллигентишкой — непременно зайдется [с. 151]</p>	<p>Wenn ich mich hierher verirre, nimmt mir dieser intellektuelle Widerling regelrecht die Luft zum Atmen, das beobachte ich schon seit einer ganzen Weile [с. 101]</p>
130.	<p>— Пожалуй, — согласился Сохатый. — Спасибо, на «завод» для рефлексии хоть это осталось [с. 152]</p>	<p>“Stimmt wahrscheinlich”. pflichtete Sochaty ihm bei. “Aber immerhin liefert er uns Material für unsere Denkfabrik” [с. 101]</p>
131.	<p>Если для дела нужно убить, ясно, из нас каждый убьет, а канителиться на пустом месте на целых на шесть частей, да на оба фронта еще дурака</p>	<p>Wenn es für die Sache nötig ist zu töten, dann tötet jeder von uns, das ist doch keine Frage. Aber sechshundert Seiten lang auf der Stelle zu treten, und dann</p>

	свалить... это просто злостный прогул [с. 152–153]	ein Ende, wo alle als Idioten dastehen... das ist ein Affront [с. 102]
132.	Да, в современном восприятии твой Раскольников не черт, а злостный прогульщик [с. 153]	Sicher, heutzutage gilt dein Raskolnikow nicht als Teufel, sondern nur als lethergischer Meckerer [с. 102]
133.	— Хочу верить, любить, жить, глупеть... [с. 153]	“Ich möchte glauben, lieben und leben, den Vertsand ausschalten...” [с. 102]
134.	В конце концов Сохатый нацелился в провинцию служить массам [с. 154]	Am Ende ging Sochaty in die Provinz, um den Massen zu dienen [с. 103]
135.	Он собрался охотно, не переставая тайно лелеять, что в нетронутой городской порчей среде он скорее обретет и свое столь желанное личное дополнение [с. 154]	Er packte seinen Koffer gern, denn insgeheim träumte er davon, in dem von der Stadt unberührten Milieu schon bald seine so begehrte persönliche Ergänzung zu finden [с. 103]
136.	Заворачивая в «Красную газету» сохатые вещи, Дарьюшка мерной речью поведала ему, что произошло у нее в доме после похода к целителю Епимаху [с. 155]	Während Darjuschka also Sochatys Habseligkeiten in die Rote Zeitung einwickelte, erzählte sie ihm in aller Ausführlichkeit, was sich in ihrem Leben nach dem Besuch beim Heiler Epimachus zugetragen hatte [с. 104]
137.	Без молитвы варю, под простой, значит, счет: раз, два, три. Когда до сотенки с грехом пополам доберусь, а когда менее. Непривычно мне — то не дочту, то перечту. А на яичках отражение [с. 156–157]	Statt zu beten, zähle ich. Eins, zwei, drei. Bis hundert schaff ich es nur mit Ach und Krach, manchmal auch gar nicht, ich bin das ja nicht gewohnt. Oder ich zähle mal zu viel... Jedenfalls merken die Eier das [с. 105]
138.	И капризиться стал Евгешенька. Что это, нянька, с тобой? Бывало, всегда	Und Jewgescha fragt auch ganz komisch. Was ist mit dir, Nanja, will er wissen. Deine Eier waren immer, wie sie

	яйца в точку, а сейчас у тебя либо недогон, либо перегон? [с. 157]	sein solle, aber jetzt sind sie mal zu weich, mal zu hart [с. 105]
139.	Сердце мое тук-тук [с. 157]	Mein Herz... krawum, krawum [с. 106]
140.	Если гадюке человек разобьет голову, а самое ее не сожжет на костре и бросит на землю, то ночью сползутся гадючки все кумовья и сестрицы и высосут ей из тела новую голову [с. 158]	Wenn jemand einer Natter den Kopf abschlägt, sie aber nicht verbrennt, sondern achtlos auf den Boden wirft, dann kriechen nachts alle Freunde und Schwestern der Natter zusammen und saugen ihrem Körper einen neuen Kopf [с. 106]
141.	Нет, не кончилась фабула «Сохатый» в волне предыдущей, хотя вещи сохатые уложены были Дарьюшкой, хотя на картах вышла ему путь-дорога [с. 159]	Stimmt, der Sochaty-Strang ist in der vorausgegangenen Welle noch nicht zu Ende geführt worden, obwohl Darjuschka doch seine Sachen zusammengepackt und ihm aus den Karten gelesen hatte [с. 107]
142.	— Обстоятельства личные тебя вперли в период «учета и контроля» — без него же и к первой ступеньке не суйся [с. 160]	“Endlich haben deine persönlichen Umstände dich dazu gebracht, dich an das zu halten, was schon andere vor dir gefordert haben, und dich zu Rechnungsführung und Kontrolle veranlasst. (прим.) Damit ist der erste Schritt getan” [с. 107]
143.	А переходить к нам, браток, надобно, потому что коллектив — слово нашего века, а не выдумка кабинетных голов [с. 160]	“Nun brauchst du dich nur noch uns anzuschließen, mein Lieber, denn Kollektiv – das ist das Wort unseres Jahrhunderts, kein theoretisches Hirngespinnst ...“ [с. 107–108]
144.	— Однако, прежде чем приступить к работе, пойдем вечером в Большой	“Doch bevor wir uns an die Arbeit machen, gehen wir noch ins Große

	драматический на экспозицию конца романтизма [с. 160]	Dramatische Theater (прим.), da kannst du heute Abend dem Ende der Romantik beiwohnen.” [с. 108]
145.	Не Москва, конечно, с рестораном Тестова, сандуновскими банями, царь-пушкой и колоколом, а в Москве-символе каждый ждал себе Прекрасную Даму [с. 161]	Nicht um Moskau ging es, nicht um die reale Stadt mit dem Restaurant Testows, den Sandunowschen Dampfbädern, der Zarenkanone und der Glocke (Anm.), sondern um das Symbol Moskau, wo jeder seine Schöne Dame erwartete [с. 108–109]
146.	Мигуэль Сервантес, охолощенный В. Соловьевым, через века предложил снова мечту как верное средство для создания лучшей реальности, ибо, очищая и вознося другого, допустим — иллюзорно, сам-то очищаешься подлинно [с. 162]	Wladimir Solowjow mochte Cervantes kastriert haben – aber nach Jahrhunderten knüpfte dieser an seinen einstigen Traum an, eine bessere Wirklichkeit zu schaffen, denn wer die Welt um sich herum läuterte und erhob, der reinigte auch sich selbst, und sei es bloß illusorisch [с. 109]
147.	Да, Чехов первый дал клич «в Москву», Соловьев, среди отчаяния и опустошенности декадентства, открыл «Деву Радужных Ворот», но женихом был не он [с. 162–163]	Sicher, Tschechow hatte als Erster die Parole “Nach Moskau!” ausgegeben, Solowjow entdeckte inmitten der Verzweiflung und Trostlosigkeit der Décadence die Jungfrau des Regenbogentors, wurde aber nicht zu ihrem Bräutigam [с. 109]
148.	Среди вихря взоров возникает внезапно, как бы расцветает под голубым снегом одно лицо — единственно прекрасный лик Незнакомки...	In dem Strudel aus Blicken entsteht mit einem Mal, fast als würde es unter bleuem Schnee erblühen, ein Gesicht. Das natürlich schöne Antlitz der Unbekannten...

	Половому же все это «непонятно-с, но утонченно-с» [с. 164]	Dem Kellner ist das alles “ganz unbegreiflich, wirklich wahr, aber direkt ins Schwarze.” (прим.) [с. 110]
149.	По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух... [с. 165]	Allabendlich über den Restaurants Liegt lohnend Luft, feist und verwaist... [с. 111]
150.	Ведь он оставил Даму, ему вялой прозой стала роза, соловьиный сад угас... [с. 166]	Er hat seine Dame verlassen, seine Rose ist zu schlaffer Prosa verwelkt, der Nachtigallengarten verblüht...” [с. 112]
151.	— А вон там и Кармен, и она... [с. 166]	“Und da hinten sind Carmen und <i>sie</i> ...” (прим.) [с. 112]
152.	Этот памятный человек, талантливый критик и невыраженный поэт, с особым даром прошагивает в людей, факты и вещи; чтобы, мастерски кинув оценку, как дегустатор, тонкий отведчик вина, уйти ужом [с. 166–167]	Dieser unvergesslicher Mann, ein begabter Kritiker und im Ansatz auch Dichter, wusste mit besonderem Talent Menschen, Fakten, und Dinge zu beschnuppern, um sich dann, nachdem er wie ein erfahrener Weinkenner sein treffsicheres Urteil abgegeben hatte, natterngleich zurückzuziehen [с. 112]
153.	Уже не шумный и не ярый, В последний раз архангел старый Влагает белые цветы... [с. 169]	Nicht mehr laut, auch hitzig länger nicht, Zitternd in Finger ohne Wehr Der alte Erzengel sanft ihr flicht Ein letztes weißes Blütenmeer [с. 114]
154.	Иль на возлюбленной поляне, Под шелест осени седой, Мне тело в дождевом тумане Расклюет коршун молодой. Иль просто в час тоски беззвездной	Oder rammt auf trauten Wiesengrund In herbstgrauem Nebelwallen In meinen Körper, der längst schon wund, Künftig ein Geier die Krallen?

	<p>В каких-то четырех стенах С необходимостью железной Усну на белых простынях [с. 170]</p>	<p>Oder wird in sternbarer Nacht Hinter eines Hauses Wänden Mit strenger, unabwendlicher Macht Mein Dasein im Schlaf einst enden? [с. 115]</p>
155.	<p>Принесли... Наше солнце, в муках угасшее, — Александра, лебедя чистого [с. 171]</p>	<p>Wir brachten ihr... Unsre Sonne, die erloschen in Qual, Brachten Alexander, den weißen Schwan [с. 116]</p>
156.	<p>Не верю, не пройдет бесследно Все, что так страстно я любил, Весь трепет этой жизни бедной, Весь этот непонятный пыл [с. 172– 173]</p>	<p>Niemals glaub' ich indes, dass verschwindet Das, was ich liebte mit Inbrust, Dies Zucken, Beben hinieden, Dies Glühen, das liegt wie im Dunst! [с. 117]</p>
157.	<p>На желтой бумаге слепой, тусклой печатью сообщалось о том, что скандинавские государства готовы оказать помощь, если соввласть демобилизует красноармейцев [с. 173]</p>	<p>Auf gelbem Papier wurde in wackligen, verwischten Buchstaben mitgeteilt, dass sich die skandinavischen Mächte zu Hilfeleitungen bereit fänden, sofern die Sowjetmacht die Rotarmisten demoblisieren würde [с. 117]</p>
158.	<p>После смерти Гаэтана пошли до странности быстрые, как бы нетерпеливые завершения всех тех горячих, кто силы свои должен был и мог сложить только с веком уходящим [с. 177]</p>	<p>Nach Gaetans Tod kam es zu einem seltsam hitzigen, beinahe ungeduldigen Dahinscheiden jener in Leidenschaft Brennenden, deren Kräfte sich nur im vergangenen Jahrhundert hatten herausbilden können [с. 120]</p>
159.	<p>Не текли, спрыгивали дни один за другим, с усилием прыгунов на стадионе в состязании на длину. Как</p>	<p>Die Tage flossen damals nicht, sondern sprangen mit dem Eifer von Weitspringern in einem Wettkampf:</p>

	им только в самом начале надо было сделать усилие, чтоб потом лететь по инерции и врыться в песок, так и корабельцам труден был лишь первый миг утреннего вставания в обхвате холодного голода [с. 177–178]	Wenn sie sich nur am Anfang ins Zeug legten, würde der Flug sie schon durch die Luft tragen, ehe sie im Sand landeten. So erging es auch allen an Deck. Nur das morgendliche Aufstehen in der Umklammerung hungriger Kälte kostete Überwindung [с. 120–121]
160.	С огоньком буржуйки энергия прилиwała и уже носила до вечера по учреждениям, заседаниям, выступлениям [с. 178]	Mit dem kläglichen Feuerchen im Bourgeoisanten strömte jedoch die Energie in die Passagiere und trug sie bis zum Abend durch Verlage, Sitzungen und Auftritte [с. 121]
161.	Еще не у всех были академические пайки, и осаждали «генуэзскую крепость», — заведующего ими Волосатика. Волосатик же кого огорчал, кого радовал [с. 178]	Da noch nicht alle die Ration für Akademiker erhielten, belagerten sie den zuständigen Mann, einen gewissen Wolosatik, ein launischer Mensch, der mal jeden hinausmiss, mal jeden beglückte [с. 121]
162.	В залы безвкуснейшей роскоши набегали в нарядах стервозочки с улиц [с. 178]	In die geschmacklos überladenen Säle stürmten irgendwelche herausgeputzten Flittchen, die niemand kannte [с. 121]
163.	Кавказец с акцентом сказал: — Зачѐм и не взяли, что сыты. Там кушают хорошо! [с. 180–181]	“Aus gutem Grund nicht”, antwortete der Kaukasier mit Akzent. “Da sind alle satt. Dorrt gibt es gutes Essen” [с. 123]
164.	... некий город-одиночка — Сен-Бертран-де-Комменж ... [с. 182]	... ein einsames Städtchen vor Augen, Saint-Bertrand-de-Comminges ... [с. 124]
165.	Я назову клопа клопом — клопу клопой... [с. 185]	“Ich nenne den Wanz Wanz und die Wanze Wanze” [с. 126]

166.	<p>Когда меня у входа в Парадиз Суровый Петр, гремя ключами, спросит: «Что делал ты?» — меня он вниз Железным посохом не сбросит. Скажу — слагал романы и стихи И утешал, но и вводил в соблазны, И вообще, апостол Петр, мои грехи Многообразны [с. 190]</p>	<p>Wenn an das Paradieses hohem Tor Apostle Petrus mürrisch dann zu mir blickt Und fragt: “Was tatest du zuvor?” Weiß ich doch: Heim werd’ ich nicht geschickt. “Schrieb Verse und Romane”, sage ich, “Half bei Kummer, doch bracht’ auch vom Weg ich ab. Überhaupt sind mannigfaltig Meine Sünden – und das nicht zu knapp...” [с. 130]</p>
167.	<p>— Амба! — хлопнул на этом месте Жуканец по столику кулаком, пробегая черновик «Сумасшедшего Корабля» [с. 191]</p>	<p>“Finito!”, rief da Schukanez, der das Manuskript zur Narretei überflog, und knallte die Faust auf den Tisch [с. 131]</p>
168.	<p>В летописи мира, хранительнице вымерших цивилизаций, все, что, уйдя из жизни, отпечатлело свой лик и свое слово во времени, закреплено медиумизмом больших художников — средневековье «Божественной комедией», старая Испания — Сервантесом [с. 193]</p>	<p>Die Chronik der Welt, dies Schatzkästlein untergegangener Zivilisation, legt Zeugnis ab von dem, was einer Zeit einst ein Gesicht gegeben hat und dank großer Künstler als Medium zu Literatur geronnen ist: das Mittelalter in der Göttlichen Komödie, das alte Spanien bei Cervantes [с.132]</p>
169.	<p>В Сумасшедшем Корабле сдавался в архив истории последний период русской словесности. Впрочем, не только он, а весь старорусский лад и быт [с. 193]</p>	<p>Die Narretei beherbergt das Archiv der letzten Periode der russischen Literatur. Oder vielmehr das Archiv des Alltags und des Denkens aus früherer Zeit [с. 132]</p>

170.	Точней сказать, для быстрой замены России четырьмя буквами СССР ампутировались еще не изжитые временем бывшие формы [с. 193–194]	Damit dies alte Russland möglichst rasch durch die fünf Buchstaben “UdSSR” ersetzt werden konnte, amputierte man auch Erscheinungen, bei denen die Zeit selbst ihr Werk noch nicht verrichtet hatte [с. 132]
171.	И как сводка работы русской мысли и воли к жизни предстали Четверо. Они заканчивали кусок истории [с. 194]	Vier Namen sind in diesem Zusammenhang zu nennen. Mit ihnen geht das Denken und Leben von einst zu Ende [с. 132]
172.	Четверо — Гаэтан с «голубым цветком» Новалиса, пересаженным в отечественный город, Инопланетный Гастролер с своим «Романом итогов» русского интеллигента, матерый мужик Микула, почти гениальный поэт, в темноте своей кондовой метафизики, берущей от тех же народных корней, что и некий фатальный мужик, тяжким задом расплющивший трон [с. 194]	Dies Quartett bildeten Gaetan, der Novalis’ Blaue Blume nach Russland brachte, der Außerirdische Gastspieler, der den Bilanzroman zum russischen Intellektuellen vorlegte, sowie Mikula, ein echter Bauer, ein nahezu genialer Dichter, verfangen im Dunkel seiner urwüchsigen Metaphysik, die auf die gleichen Wurzeln im Volk zurückging wie ein gewisser fataler Bauer, der mit seinem schweren Hintern den Thron plattgesessen hatte [с. 132]
173.	Четвертым сдавателем был Еруслан, тот, чья воля была, как у Васьки Буслаева, разукрасить нашу землю, как девушку. «Обнял бы ее, как невесту свою, поднял бы я землю ко своим грудям...» [с. 194]	Der Vierte im Bunde war Jeruslen, der es mit seinem Helden Wasska Buslaew halten und unsere Erde verschönern wollte wie eine junge Frau. (прим.) <i>Wie gerne wollt ich sie als Braut umarmen, wollt die Erde hoch hinauf an meine Brust ziehn...</i> [с. 132]

174.	Мы им гордимся. В разрешении больного вопроса: интеллигент или рабочий, — или- или им было зачеркнуто [с. 195]	Deshalb sind wir stolz auf ihn. Er hat die schmerzliche Frage: Intelligenzija oder Proletariat beantwortet, indem er das Entweder-Oder gestrichen hat [с. 133]
175.	Прозвали его свиту — «максимовки», в отличие от других яблок, антоновок. Те, антоновки, катились вслед Чехову [с. 196]	Die Menschen in seinem Gefolge nannte man Maximowkas, im Unterschied zu jenen anderen Äpfeln, den Antonowkas, die Tschechow hinterherrannten [с. 134]
176.	— Вот, поработал он на нас и дождался: расписали синькой его, как удавленника, да грохнули пушкой, как Царю либо покойнику; чай, живой, поживет еще [с. 196]	“Er ist doch einer von uns, nur war er lange weg. Und da malen die ihn in Blau wie einen Erhängten und empfangen ihn mit Kanonendonner. Als ob er ein Zar ist! Oder tot! Aber er lebt doch und wird noch lange weiterleben!” [с. 134]
177.	Но хознадежды им были оправданы, и писатели через день получать стали дрова на топку буржук [с. 198]	In der Tat erfüllte er die wirtschaftlichen Hoffnungen. Bereits am nächsten Tag erhielten die schritsteller Brennholz für ihre Bourgeoisanten [с. 135–136]
178.	Отоплялись, оживали. На заседаниях спали уже не всегда [с. 198]	Kaum war geheizt, tauten sie auf. Bei den Sitzungen gab es nun sogar einige, die nicht schliefen [с. 136]
179.	Однажды этаким хлѣстом влетел некто с контролем от Изо [с. 198]	Eines tages schneite dann jemand von der Kontrollkommission der Abteilung für Bildende Kunst herein, um das Haus unter die Lupe zu nehmen [с. 136]
180.	Затыкаясь своими же словами, как мелкими пробками, вылетающими под напором ленивого газа, он с гневом спросил, озирая зал с	Wie Korken, die unter dem Druck des Gases aus der Flasche flogen, knallten die Worte aus seinem Mund. “Woher kommt euer Goldregen?“, fragte er sämtliche Schriftsteller und

	<p>зеркалами, всех писателей и Еруслана:</p> <p>— Золотой дождь получаете? А польза от вас коммунистическому обществу где? В чем? Не в искусстве же вашем — писать?! [с. 198–199]</p>	<p>auch Jeruslan voller Zorn, während er sich im Spiegelsaal umsah. “Und welchen Nutzen hat die kommunistische Gesellschaft von euch? Welchen? Doch wohl nicht eure Kunst?! Euer Geschreibsel?!” [с. 136]</p>
181.	<p>Но Еруслан, в благородном вдохновении, гневно окая, все продолжал открытие америк вдруг всеми забытых положений [с. 199]</p>	<p>Doch Jeruslan setzte voller Wut, dialektgefärbt und in edler Inspiration die Entdeckung der beiden Amerikas fort, indem er unsere Lage schilderte, die offenbar alle mit einem Mal vergessen hatten [с. 136]</p>
182.	<p>В этот миг какая-то пародийная символика выпала из его судьбы и воплотилась в весьма бойкую пирожницу с благоухающим именем Роза [с. 201]</p>	<p>In diesem Augenblick trudelte irgendeine parodistische Symbolik von seiner Schicksalsbahn und landete in der schlagfertigen Piroggenverkäuferin mit dem wohlklingenden Namen Rosa [с. 138]</p>
183.	<p>Особа понеслась по рядам писателей с лотком, как она уверяла, «былой роскоши» — то есть ужасным эрзацем пирожных [с. 201]</p>	<p>Sie manövrierte mit ihrem Bauchladen durch die Reihen der Schriftsteller und bot, wie sie versicherte, “früheren Luxus” feil, also grausigen Piroggenersatz [с. 138]</p>
184.	<p>Но вот почему у нас едва обнаружишь и талант, и охоту стране послужить тем, чем можешь, — как страна загнет тебе счет уж на всю полную меру? Коли ты на дуде игрец, то уж будь нам и жнец, и швец! И</p>	<p>Bleibt die Frage, warum dann bei uns, sobald ein Talent auftaucht, das obendrein willens ist, dem Land zu dienen, niemand mehr eine Grenze kennt: Wenn du auf der Pfeife spielen kannst, dann tanze auch! Und gib ja in</p>

	смотри, на все сто процентов, а не томы тебя... [с. 205]	beiden Fällen dein Bestes, sonst blasen wir dir den Marsch... [с. 140]
185.	С тех пор всякий раз, как подымается скопом гик и зык, если какой-нибудь «на дуде игрец» не потрафит на всю полную меру, вспоминается нам оберегающий парикмахерский афоризм: «Дамский манекен — это вещь» [с. 206]	Wenn wieder einmal alle losspektakeln, weil jemand nur die Pfeife spielt, aber nicht tanzt, klingt uns seitdem jener Coiffeuraphorismus im Ohr: “Eine weibliche Schaufensterpuppe, das ist ein Wertgegenstand” [с. 141]
186.	Понемногу стал писатель возвращаться от вынужденного цинцинатства на картофельных огородах к своему прямому профессиональному делу. Писатель стал получать гонораришки [с. 206]	Ganz langsam hörten die Schriftsteller auf, ein Leben à la Cincinnatus zu führen, ließen die Kartoffeläcker hinter sich und wandten sich wieder ihrer eigentlichen Profession zu. Für die sie nun ein Honorar erhielten [с. 141]
187.	Но записка, увы, написана была по новой шахматовской орфографии, которую старый мастер упрямо считал «большевизмом», губящим страну [с. 207]	Diese Nachricht war bedauerlicherweise in der neuen Orthographie von Schachmatow abgefasst, die der alte Meister starrsinnig für Bolschewisterei hielt, welche das Land ins Verderben stürzen würde (прим.) [с. 142]
188.	Он принял писателя еле-еле, а фрукты и прочее отправил, ничтоже сумняся, в крупный город Финляндии для исследования на предмет в них яда [с. 207]	Den Schriftsteller empfing er mit größtem Widerwillen, das Obst und alles andere schickte er direktenwegs zur Untersuchung auf Gift in eine große Stadt [с. 142]
189.	Да, обминался новый быт [с. 208]	O ja, inzwischen drückte der neue Alltag nicht mehr wie ein neuer Shuh [с. 143]
190.	Банщики какой-то Теткинской волости, отбив наказание за	Die Arbeiter aus einer Banja aus der Wolost Tjotkino hatten sich nach

	уголовщину, уже превратились в могильщиков и попали в союз [с. 208]	Abbuße einer Strafe, die ihnen wegen irgendeines krummen Dings aufgebrummt worden war, in Totengräber verwandelt und waren selbstverständlich dem entsprechenden Verband beigetreten [с. 143]
191.	Правда, почти тотчас появилась в газете графа — «Еще одно рвачество», где сообщалось, что именно этих, Теткинской волости, могильщиков вычистили из союза коммунальщиков за <i>разложение кладбища!</i> [с. 208]	Kurz darauf prangte in der Zeitung die Überschrift: “Weitere Raffgier”. Wie aus dem Artikel hervorging, waren diese Tjotkiner bereits wieder aus dem Verband der Städtischen Arbeiter ausgeschlossen worden: wegen “Zersetzung des Friedhofs” [с. 143]
192.	А вот знакомого моего, товарища Соплина из Пищевкуса, за что? [с. 209]	“... Was mich aber mehr beschäftigt, ist, warum man auch meinen Freund, den Genossen Rotzoff, aus dem Lebensmittelverband rausgewrofen hat ...” [с. 143]
193.	— Из союза Пищевкус исключен товарищ Соплин, по-моему, тоже правильно, — сказал Сохатый. — Пусть меняет или фамилию, или союз [с. 209]	“Das ist nur recht und billig”, erwiderte Sochaty. “Entweder muss er den Namen wechseln oder den Beruf” [с. 144]
194.	... и девочка гордилась, если бывала отдельно задержана батюшкой ... [с. 213]	... und jedes Mädchen platzte vor Stolz, wenn der Batjuschka es zu sich rief ... [с. 146]
195.	Однажды девицы развели в молоко такую гущину извести, что дежурный любопытствовал исследовать качество, и тут же разнюхал, что в	Einmal streckten die Frauen die Milch derart reichlich mit Kalk, dass der Wachhabende die Qualität der Flüssigkeit überprüfen wollte. EEr

	бутылке грубейший псевдоним [с. 213]	brauchte nur kurz daran zu schnuppern, und schon wusste er, dass die Flasche nur einen billigen Ersatz enthielt [с. 146]
196.	Написался им как-то экспромт по одному смешному, прямо сказать — «личному» случаю [с. 215]	Einmal hatte er eine Improvisation zu einer komischen Begebenheit verfasst, die er – warum das verschweigen – selbst erlebt hat [с. 147]
197.	Некий предприимчивый полковник Мелавенец, не разделяя с Оскаром Уайльдом отвращения к пословицам как к пище, пережеванной чужими зубами, вспомнил, кстати, что «с миру по нитке — голому рубашка» [с. 215]	Da erinnerte sie ein gewisser Oberst Melawenez, ein geschäftstüchtiger Mann, der nicht die Abneigung Oscar Wildes gegen Sprichwörter teilte, weil er in ihnen nichts Wiederkäutes sah, an den Spruch: “Gibt jeder einen Faden, wird der Nackte ein Hamd bald haben” [с. 148]
198.	Справедливо доказуя писателям, что десять яиц — это чудесная яичница, а одно яйцо — пачкотня, он им предложил каждому уступить ему свое скудное яичное право [с. 215]	In aller Ruhe setzte er den Schriftstellern daher auseinander, dass ein einzelnes Ei erbärmlich sei, ein ganzes Dutzend jedoch ein wunderbares Rührei ergebe, und schlug ihnen vor, ihm ihr klägliches Eirecht abzutreten [с. 148]
199.	Заполучив сотню яиц, предприимчивый полковник как в воду канул [с. 215–216]	Sobald er hundert Eier zusammenhatte, war der geschäftstüchtige Oberst auf Nimmerwiedersehen verschwunden [с. 148]
200.	Полковнику Мелавенцу Каждый дал по яйцу. Полковник Мелавенец Съел много яец. Пожалейте Мелавенца,	Wer Melawenez beehrte, Ein Ei ihm verehrte. Und unser Oberst darauf Aß Eier zuhauf. Beklagt des Obersten Schicksal:

	Умеревшего от яйца [с. 216]	Die Eier – sie waren mortal! [с. 148]
201.	Все, кому в прошедшие годы пришлось густо хватить революции, — либо пан, либо пропал [с. 220]	Wer sich in den vergangenen Jahren mit Haut und Haar der Revolution verschrieben hat, ist heute entweder obenauf oder unter der Erde [с. 151]
202.	— В огороде бузина, у Києви дядько, — сказал Жуканец. — К чему, спрашивается, нагородил? [с. 222]	„... So hat also ein Tag ausgesehen, damals“, kam Schukanez zum Schluss. “Aber warum sollte man das an die große Glocke hängen?” [с. 153]
203.	На пароходишко сел и поехал в Севр. И вот уж не слышу ругани. Предомной одни чудесные, уходящие вдаль берега, матовые дали [с. 224]	Ich habe mich in ein Dampfschiff gesetzt und bin nach Sèvres gefahren. Da war das Gezänk schon nicht mehr so laut. Vor mir hatte ich nur noch eine wunderbare Küste, die sich weit in die Ferne zog, und matte Weiten [с. 154]
204.	И такая легкость воздуха, что хитрое кружево башни Эйфеля мне показалось не железным, а плетеньем из волос, как хитрые прабабкины сувениры [с. 224]	Die Luft war so leicht, dass mir das aparte Klöppelwerk des Eiffelturms nicht wie eine Eisenkonstruktion vorkam, sondern wie ein Geflecht aus Haaren. Als wären es Andenken unserer Urgroßmütter ... [с. 154]
205.	Белизна песка, зелень реки, каштаны в цвету, как в бело-розовых свечках. А мосты... если б ты знал, до чего волнуют эти парижские мосты [с. 224]	Strahlend weißer Sand, de rgrüne Fluss, Kastanien in voller Blüte, lauter Kerzen in Weiß und Rosa. Und die Brücken ... wenn du wüsstest, was diese Pariser Brücken in dir auslösen ... [с. 154]
206.	— Допустим, что ты действительно себе сумеешь наврать, настоявшись в хвосте, — оборвал Жуканец. — И то, прибавь, если не моросит сверху	„Nehmen wir einmal an, dass du dir wirklich dergleichen vormachen kannst, während du in der Warteschlange stehst“, brummte Schukanez.

	дождь и ты при калошах. Ну, а мне от твоего Севра какая корысть? [с. 225]	“Vorausgesetzt, es regnet nicht, oder wenn, dass du dann Galoschen trägst ... Aber was habe ich von deinem Sèvres? ... [с. 155]
207.	Нет, браток, если научился выбрыкивать из самого себя, так валяй из хвоста не в Севр, а в кооперативное товарищество. Да раскинь там мозгами, как бы поскорее хвосты вовсе изжить! А в Севр я предпочитаю, товарищ, съездить взаправду по билету Дерутры [с. 225]	Nein, mein Guter, wenn du schon gelernt hast, dich aus einer Schlange herauszuträumen, dann bitte nicht nach Sèvres, sondern hinein in eine kooperative Genossenschaft. Im Übrigen zerbrich dir lieber den Kopf darüber, wie wir diese Warteschlangen möglichst schnell loswerden! Denn nach Sèvres fahre ich mit der Eisenbahn, mit einem Billett von Derutra!” (прим.) [с. 155]
208.	В отличном здании у Исаакия собирались в час вечерний литераторы и критики со всего города — и сколь ни поминали Европу, собирались с опозданием [с. 226]	In dem prachtvollen Gebäude bei der Isaak-Kathedrale versammelten sich zur Abendstunde Literaten und Kritiker aus der ganzen Stadt. Unpünktlich, versteht sich, auch wenn Europa es nie begreifen wird [с. 156]
209.	Какую выдумать фабулу, роман и новеллу, когда в Вельском уезде заурядные леноватые мужики подвизались в лесах, как Дубровский у Пушкина: они, поймав своего бывшего барина, проезжавшего через лес, одарили дарами (в свое время им	Welche Fabel, welchen Roman oder welche Novelle sich noch ausdenken, wenn schon im Welsker Ujesd ganz gewöhnliche und sogar etwas träge Bauern in den Wäldern handelten wie Pushkins Dubrowski: Sie passten ihren einstigen Herrn ab, als dieser gerade den

	были довольны) и наставили: ... [с. 227]	Wald durchquerte, und vermöbelten ihn, hatten sie seinerzeit unter ihm doch keinen Grund zur Klage gehabt [с. 157]
210.	— А сейчас катись от нас легче пуха, потому как бывшего помещика нам тебя, Иван Семенович, требуется вздернуть [с. 228]	“Und jetzt sieh zu, dass du die Beine in die Hände nimmst, Iwan Semjonowitsch”, rieten sie ihm. “Als ehemaligen Gutsbesitzer müssten wir dich nämlich hängen” [с. 157]
211.	И — не угодно ли? — вчерашняя крымская гроза — генерал Слащев вдруг печатал сегодня в советской газете свое обращение к остаткам белых армий, удерживая в своей речи весь стиль прежнего вкуса к былой государственной риторике: ... [с. 228]	Oder – falls noch ein Beispiel gefällig ist – wenn sich General Slaschtschew, noch gestern eine Bedrohung auf der Krim, heute in einer sowjetischen Zeitung mit einem Aufruf an seine versprengten Weißgardisten wendet, der noch ganz dem Stil der offiziellen Rhetorik von einst verpflichtet ist: ... [с. 157]
212.	Я, Слащев Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться на родину. В противном случае вы являетесь наемниками иностранного капитала и, что еще хуже, изменниками против своей родины и против родного народа [с. 228]	Ich, Slaschschew von der Krim, rufe Euch, Offiziere und Soldaten, auf, Euch der Sowjetmacht zu fügen und in die Heimat zurückzukehren. Andernfalls macht Ihr Euch zu Söldnern ausländischen Kapitals und, weit schlimmer noch, zu Verrätern an Eurer Heimat und an Eurem eigenen Volk [с. 158]
213.	... опустили в землю старую мать Русь мужицкую, Русь интеллигентски-рабочую, ... [с. 229]	... die alte Mutter Rus, die bäuerliche Rus, die Rus der Intellektuellen und Proletarier zu Grabe getragen worden war [с. 158]

214.	В его инопланетности сам черт ногу сломит [с. 232]	Aber den versteht doch niemand [с. 160]
215.	Если Германн — зародыш интеллигента — еще только начинает думать и, когда другие играют в карты, стоит часами безмолвно, то преемственный ему Раскольников, забившись на своем чердаке от всего мира, подлинно — «знает одной лишь думы власть» [с. 240]	Wenn Hermann, mithin die Keimzelle des Intellektuellen, gerade erst nachzudenken beginnt und noch stundenlang schweigend dasteht, während andere Karten spielen, dann hat der in seiner Nachfolge stehende Raskolnikow, der vor aller Welt verborgen in seiner Dachstube hockt, bereits die nächste Stufe erreicht und “kennt eines einz’gen Gedankens Macht” (прим.) [с. 166]
216.	Спасаясь от внутреннего разорения, вымирающий интеллигент укрывается в честную Кантову крепость, плющом обвивается вокруг Канта, паразитирует на Канте [с. 242–243]	Um sich gegen die innere Zersetzung zu schützen, flüchtet der vom Tod bedrohte Intellektuelle in die ehrbare Kant’sche Festung, windet sich wie Efeu um Kant und parasitiert von Kant [с. 168]
217.	Бацилла метафизической похоти Ивана Карамазова выгонит его вон из последней твердыни и при помощи мудренейших упражнений на окончательную «остуду сердца» научит какому-то беспардонному «пролитою во вселенную» [с. 243]	Der Bazillus der metaphysischen Lüsterheit treibt Iwan Karamasow fort von seiner letzten Feste. Durch raffinierte Übungen gelangt er zu einer endgültigen ‘Herzensabkühlung’ und weiter zu einer ruppigen ‘Verschmelzung mit dem Universum’ [с. 169]
218.	Путь подлинной эволюции человека — расширить свой домашний, незатейливый ритм до ритма	Der Weg der wahrhaften Evolution des Menschen besteht darin, seinen simplen, auf die eigenen vier Wände begrenzten

	<p>вселенского, но не иначе как храня кровную любовную связь с миром и всей стенающей тварью [с. 243]</p>	<p>Rhythmus zum Rhythmus des Kosmischen zu erweitern, dabei jedoch unbedingt eine enge Liebesbeziehung zur Welt und allem kläglichen Getier darin beizubehalten [с. 169]</p>
219.	<p>Голова же этого тела смелась в голову пузатенького стекла электрической лампы [с. 244]</p>	<p>Der Kopf dieses Körpers zwingt sich in den runden Glaskopf der elektrischen Glühbirne [с. 169]</p>
220.	<p>После столь прочной «остуды сердца» мало отрастить золотую бородку и взять в руки томик Сквороды [с. 244]</p>	<p>Nach einer derart erfolgreichen ‘Herzensabkühlung’ dürfte es höchst unawrscheinlich sein, dass ihm ein goldener Bart wächst oder er nach einem Buch Skoworodas greift (прим.) [с. 170]</p>
221.	<p>У нас плохо умеют читать, не то бы Аплеухов мог стать нарицательным именем, как Печорин, и микроб аплеуховщины дополнил бы собою семью раньше открытых достоевщины, чеховщины, которой приписан диагноз — пустыньность [с. 245]</p>	<p>Bein uns versteht man es nicht, richtig zu lesen, sonst wäre Ableuchow vermutlich längst wie Petschorin zu einem Gattungsnamen geworden, und die Mikrobe des Ableuchowtums hätte die Familie des bereits zuvor entdeckten Dostojewskitums und Tschechowtums ergänzt, deren Mitgliedern in ihrer Gesamtheit Verödung diegnostiziert worden ist [с. 170]</p>
222.	<p>Разложение провинциальное выражено и закреплено в классическом мастерстве «Мелкого беса» и в символике живописи Евгения Замятина «Уездное» [с. 245]</p>	<p>Die Zersetzung in der Provinz ist in dem Meisterwerk Der kleine Dämon sowie in der Symbolik von Jewgeni Samjatins ‘Provinz’ fixiert [с. 170]</p>

223.	А задание — сдача в летопись мира отжившего исторического существа Петербург и населявшего его интеллигента [с. 246]	Diese Aufgabe bestand darin, das historische Wesen Petersburg, das sich überlebt hatte, mitsamt seinem Intellektuellen ins Archiv zu überführen [с. 171]
224.	— Выдайте пекарям всю букву «Г»! И выдали пекарям вперемешку — Гёте, Гервинуса, глину, голубей и глисты [с. 247]	“Für die Bäcker die mit g!” Und so erhielten die Bäcker den bunten Strauß aus Ganglien, Gervinus, Goethe und Grau [с. 172]
225.	Натурщик стоял последний день, и все увлечены были своими этюдами, старались напоследок «нагнать категорию» [с. 249]	Das Aktmodell hatte damals seinen letzten Tag, und alle arbeiteten verbissen an den eigenen Skizzen, um endlich das ersehnte Meisterwekr zu schaffen [с. 173]
226.	Ведь редактор этот — вроде пушкинского «дядьки Черномора», пестуна тридцати богатырей [с. 258]	Und dieser Redakteur war ein zweites Väterchen Tschernomor, Ziehvater von dreißig Recken. (прим.) [с. 180]
227.	Как у Чистякова ученики никогда не писали в однообразной манере репинцев и маковцев, так в редакции Черномора не водилось того прокрустова ложа, которое таили редакции бывших толстых журналов [с. 258–259]	Die Schüler von Professor Tschistjakow malten nie durch die Bank wie Repin oder wie die Makowezler, (прим.) und in Tschernomors Büro stand kein Prokrustesbett wie einst in den Redaktionen der dicken Zeitschriften. (прим.) [с. 180]
228.	Так из вышеупомянутого романа, страдавшего водянкой, была выпущена вся вода, для чего отхватить пришлось добрую половину [с. 260]	Aus besagtem Roman, der an Wassersucht litt, wurde alle Flüssigkeit herausgepresst, wodurch er um rund die Hälfte schrumpfte [с. 181]

229.	Оставшаяся половина так выиграла, что, увидев свет, оказалась «гвоздем» прозы того сезона, и автор ее сразу стал с именем [с. 260]	Die verbliebene Hälfte gewann dadurch derart, dass sie in der damaligen literarischen Saison wie eine Bombe einschlug. Der junge Autor hatte sich auf Anhieb einen Namen gemacht [с. 181]
230.	Отъехав обратно в провинцию, он умолкал [с. 261]	Nachdem er wieder abgedüst war, hörte man kein Sterbenswörtchen mehr von ihm [с. 182]
231.	Он творил журнал как новой формации режиссер, из заведующего спектаклем стал человеком, спектакль созидающим... [с. 261]	Er betrachtete seine dicke Zeitschrift wie ein Regisseur ein frisch zusammengestelltes Ensemble und <i>organisierte</i> diese folglich nicht nur, sondern <i>schuf</i> sie ... [с. 182]
232.	Между тем, <i>le style c'est l'homme même</i> (прим.) и, уж конечно, автор [с. 263]	Dabei gilt ja wohl noch immer, <i>le style c'est l'homme même</i> (прим.) und so auch der Autor [с. 184]
233.	Даже мясники с улицы Сен-Жак его не сочли дураком, а понимающе промолвили: “C'est son métier” (прим.) [с. 265]	Selbst die Fleischer aus der Rue Saint-Jacques hielten ihn nicht für einen Idioten, sondern murmelten verständnisvoll: “C'est son métier” (прим.) [с.185]
234.	Я видел звука лик и музыку постиг, Даря уста цветку, без ваших ржавых книг... [с. 268]	Ich sah des Lautes Antlitz, der Töne Driften, Beim Kuss einer Blum', ganz ohne Eisenschriften! [с. 187]
235.	Беседная изба — подобие вселенной. В ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь,	Die Kathedralenkate, ein Weltall im Kleinen: Mit Helmhimmel, mit weißem Milchstraßenlinien,

	<p>Где кормчему уму, душе многоплачевной Под веретенный клир усладно отдохнуть [с. 269]</p>	<p>Wo das Hirn, das lenkt, und die Seele, die am Greinen, Beim Spindelchor können in Ruh‘ sich besinnen [с. 187]</p>
236.	<p>Мужицкая душа, как кедр зелено- темный, Причастье божьих рос неуголимо пьет [с. 270]</p>	<p>Beharrrsam die tiefzederngrüne Bauernseele Beim Abendmahl an Göttlichem Tau sich erlabt [с. 188]</p>
237.	<p>С Рязанских полей коловратовых Вдруг забрежжил коноплевый свет. Ждали хама, глупца непотребного, В спинжаке, с кулаками в арбуз, Даль повыслала отрока вербного, С голоском слаще девичьих бус [с. 272]</p>	<p>Platow vom Felde musste Christus weichen Der Acker Eden dem Plapperregen ... Bis im weiten, an Bojaren so reichen Rjasan uns Licht schien hell entgegen Sie fürchteten gewiss einen groben Klotz In Kittel und kürbisgroß die Faust. Doch umhüllte das Land ihn allem zum Trotz Mit Süße, die in jedem Wort braust [с. 189–190]</p>
238.	<p>...На том ли дворе, на большом рундуке, Под залятою черной матицей, Молодой детинушка себя сразил... [с. 272]</p>	<p>Denn ich sah, wie in der vermaledeiten Truh‘ Unter jenem rußschwarzen Deckel Ein holder Jüngling Hand an sich legte [с. 190]</p>
239.	<p>И я сам, опустьясь головою, Заливаю глаза вином, Чтоб не видеть в лицо роковое... [с. 273]</p>	<p>Auch ich selbst lass‘ meinen Kopf nun hängen, Blicke zu gern nur tief ins Glas, Um des Unheils Gesicht nicht zu schauen [с. 190]</p>

240.	<p>Неужели молодежь, чьи пламенные души Горели, как костры, в их солнечной груди, Хотя бы и на миг в себе ту мысль задушит, Чтоб быть в труде и в битве впереди? [с. 282]</p>	<p>Flammende Seelen und Sonne in der feurigen Brust – Das ist unsere Jugend, die fest an sich glaubt! Wer wollt‘ ihr da nehmen Arbeitsfreud‘ und Kampfeslust, Wer sich finden, der die Zuversicht ihr raubt? [с. 198]</p>
241.	<p>Внемлите, как кричат вам молодые братья: Нет! Нет! Не верим! Нет! Не верим! Это ложь! Изменникам позор! Предателям проклятье! Рабочие, к станкам. На помощь, молодежь [с. 282]</p>	<p>Hört, was die jungen Genossen euch lautlos sagen: Das ist eine Lüge! Da glauben wir nicht dran! Schande dem Verrat! Nie werden wir den ertragen! Arbeiter, greif zum Hammer! Jugend, pack mit an! [с. 198]</p>
242.	<p>Мы зажигаем свой огонь, Чтобы сварить похлебку [с. 285]</p>	<p>Wir entfachen unser Feuer, Auf dass die Suppe brodle [с. 200]</p>
243.	<p>Ангел простых человеческих дел В душу мою жаворонком влетел... [с. 295]</p>	<p>Als Lerche stieß an die Katendecke Ein Engel, bestimmt für Alltagszwecke... [с. 207]</p>
244.	<p>Радуйтесь, братья, беременен я От поцелуев и ядер коня [с. 295]</p>	<p>Frohlockt! Ich, euer Freund, trag‘ Frucht in mir Von Gaulesküßen, von des Pferdes Zier! [с. 207]</p>
245.	<p>И мы живем, и, Робинзону Крузо Подобные, — за каждый бьемся час [с. 288]</p>	<p>So leben wir, und wenn unsere Stunde schlägt, Haben wir – wie auch Robinson Crusoe schon –</p>

		Freitag, der unser Schicksal als Muse mit uns trägt [c. 202]
--	--	---